Ш 7-32
60
на опис-ю!

ОБЪ УЧЕНІИ
ПЕРСИДСКИХЪ МАГОВЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ЕЗНИКА,

АРМЯНСКАГО ПИСАТЕЛЯ V ВѢКА.

Гер. Эзова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1858.

Файл из электронной библиотеки Tages Gekatoff: https://vk.com/hecatoff

На отв-го
72
60

ОБЪ УЧЕНІИ
ПЕРСИДСКИХЪ МАГОВЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ЕЗНИКА,

АРМЯНСКАГО ПИСАТЕЛЯ V ВѢКА.

Гер. Эзова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской академіи наукъ.

1858.

XXI-6611

Файл из электронной библиотеки Tages Gekatoff: https://vk.com/hecatoff

(Изъ Журнала Мин. Нар. Просв., № 4, 1858).

ОБЪ УЧЕНІИ ПЕРСИДСКИХЪ МАГОВЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ЕЗНИКА,

АРМЯНСКАГО ПИСАТЕЛЯ V ВѢКА.

Cujusvis hominis est errare.
(Cicer. Tuscul. 1.17).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Если мы будемъ отыскивать мѣстожительство первыхъ семействъ рода человѣческаго, то все приведетъ насъ къ высокой Арменіи и ея восточному скату — библейскія преданія, древнія сказанія Персовъ, свидѣтельство Зендъ-Авесты (1), преданія самаго Армянскаго народа, глубокія изысканія, по части сравнительной филологіи, Бюрнуфа, Лассена, Боппа, и наконецъ свидѣтельство всѣхъ Греческихъ и Римскихъ отцевъ церкви, которые, согласно словамъ Моисея—«И сѣде ковчегъ... на горахъ Араратскихъ», Арменію признаютъ колыбелью рода человѣческаго.

Если мы обратимся къ исторіи просвѣщенія, то узнаемъ, что въ Азіи получило начало самое благодѣтельное изобрѣтеніе людей — алфавитъ, краеугольный камень просвѣщенія, оттуда перешли къ намъ числительные знаки, астрономическія свѣдѣнія, тамъ возникли разныя философскія и религіозныя ученія,

(1) Въ которой восточная Арменія названа Иранъ-веджъ. т. е. Иранъ чистый, первое мѣсто созданное и населенное на землѣ.

туда наконецъ, какъ къ источнику, прибѣгали всѣ мудрецы древняго міра. Страна, бывшая колыбелью просвѣщенія, простиралась отъ Евфрата до Инда, слѣдовательно въ предѣлахъ своихъ заключала и Арменію.

Арменія, находясь между тремя великими морями — Чернымъ, Средиземнымъ и Каспійскимъ, и орошаемая большими судоходными рѣками: Евфратомъ, Тигромъ, Араксомъ, Курой и др., касаясь сначала предѣловъ Мидіи, Ассиріи, Месопотаміи и Сиріи, и впослѣдствіи простираясь между Персидской монархіей и Римской имперіей, естественно, вслѣдствіе географическаго своего положенія, была въ-связи или по торговлѣ, или по нравственнымъ отношеніямъ, со всѣми вышеупомянутыми и другими народами древняго міра, и всегда имѣла прямое или косвенное вліяніе на всѣ событія, совершавшіяся на поприщѣ гражданскомъ или на поприщѣ вѣры. А потому исторія Арменіи и памятники ея письменности озаряютъ новымъ свѣтомъ политическія и военныя событія Азіи, землеописаніе, преобразованіе державъ, постановленія гражданскія и религіозныя всѣхъ древнихъ народовъ отъ береговъ моря Каспійскаго до залива Персидскаго, сохраняютъ неизвѣстныя подробности, относящіяся къ исторіи царствъ Мидійскаго, Ассирійскаго, въ-особенности къ судьбѣ Семирамиды и исторіи Кира, сообщаютъ весьма любопытныя и важныя свѣдѣнія о Персидскихъ царяхъ династіи Арсакидовъ и Сасанидовъ, пополняютъ пробѣлы въ исторіи Восточной имперіи, объясняютъ многія мѣста, относящіяся къ владычеству Аравитянъ, Турокъ Сельджуковъ, Моголовъ и къ Крестовымъ походамъ, и заключаютъ нѣкоторыя свѣдѣнія о древнихъ обитателяхъ горъ Кавказскихъ и береговъ Понта Эвксинскаго.

Армянская литература оказываетъ также большую услугу литературамъ Греческой и Сирійской, сохранивъ точные переводы многихъ, нынѣ потерянныхъ, сочиненій (2).

(2) «Арменія, говоритъ Вильфруа, открывъ намъ врата востока, начинаетъ обнаруживать такія богатства, на существованіе которыхъ мы не смѣ-

Изъ вышеизложеннаго объясняется причина той энергіи, съ которой Европейскіе ученые посвящаютъ себя изученію Армянской письменности, и мы уже имѣемъ переводы многихъ ея памятниковъ на разныхъ языкахъ Европы.

Но цѣль и тѣсные предѣлы статьи не позволяютъ намъ распространяться о томъ, въ какой степени важна разработка Армянской литературы, что̀ она принесла въ общую сокровищницу науки и чего мы въ-правѣ отъ нея ожидать. Желая познакомить читателей съ разсужденіемъ Армянскаго писателя V вѣка, Езника Колпскаго, которое значительно пополняетъ наши свѣдѣнія о древней религіи Зороастра, для полнаго уразумѣнія этого разсужденія, считаемъ необходимымъ познакомить нѣсколько съ эпохой, въ которую жилъ Езникъ, и съ обстоятельствами, сопровождавшими появленіе его сочиненія.

Всѣ народы востока: въ Китаѣ, Индіи, Персіи и Аравіи сопротивлялись введенію христіанства, Армяне-же приняли св. вѣру съ замѣчательною готовностью и усердіемъ, и небо щедро ихъ за это наградило: ибо съ этого времени, собственно говоря, Армяне занимаютъ почетное мѣсто между народами Азіи, и составляютъ отдѣльную и самостоятельную націю. И такъ, хотя въ началѣ IV вѣка христіанская религія была господствующею въ Арменіи, однакожь не должно забывать, что еще во многихъ ея странахъ, по единогласному свидѣтельству Армянскихъ историковъ: Агаѳангела, Фауста Византійскаго, Моисея Хоренскаго, Егише, Лазаря Парпеци, впродолженіе болѣе вѣка, укрывалось язычество и другія ученія, проникнувшія сюда изъ сосѣднихъ странъ. Біографъ и ученикъ Месроба, Корюнъ, подробно разсказываетъ многотрудные подвиги своего наставника, на пользу распространенія свѣта наукъ и религіи въ своемъ отечествѣ.

Переходъ отъ язычества къ христіанству былъ для Арменіи, въ полномъ смыслѣ, переходомъ отъ тьмы къ свѣту; и эпи-

ли надѣяться; еслибы мы могли пользоваться рукописями, то трудно выразить, какой-бы свѣтъ онѣ пролили на исторію этой ученой націи и ея сосѣдей».

тетъ *Просвѣтителя*, данный проповѣднику слова Божія въ Арменіи, есть лучшее тому доказательство. До Григорія-Просвѣтителя, Арменія была чужда просвѣщенія своихъ сосѣдей Грековъ и Сиріянъ; въ ней господствовало полное невѣжество, такъ-что никто даже не бралъ на себя труда описать славныя царствованія языческихъ царей Арменіи, и Моисей Хоренскій долженъ былъ прибѣгнуть къ источникамъ Греческимъ и Сирійскимъ: «много подвиговъ мужества, говоритъ онъ, совершено въ странѣ нашей, достойныхъ письменнаго воспоминанія, которые никто изъ нихъ не счелъ нужнымъ описать» (3); и далѣе, утверждая, что это умственное бездѣйствіе происходило не отъ того, что не было Армянскихъ письменъ, или не потому, что Арменія вела частыя войны, ибо употреблялись письмена сосѣднихъ народовъ — Персіянъ, Сирійцевъ и Грековъ, и Арменія часто наслаждалась миромъ, Хоренскій заключаетъ: «Но мнѣ кажется, что какъ теперь, такъ и у древнихъ Армянъ, не было любви къ ученію и изустнымъ преданіямъ».

Не входя въ разсмотрѣніе — отсутствіе-ли Армянскихъ письменъ, постоянныя-ли войны, или что-либо другое было причиной этой всеобщей нелюбознательности и умственнаго бездѣйствія, мы должны однакожь сознаться, что литература Армянъ ведетъ свое начало отъ времени изобрѣтенія Армянскаго алфавита.

До сего времени Армяне, какъ и всѣ младенческіе народы, имѣли почти однѣ только историческія народныя пѣсни, которыя изустно передавали потомству дѣянія древнихъ царей и героевъ. Пѣсни эти долго сохранялись въ народѣ, пѣвались обыкновенно при звукахъ инструментовъ и въ-сопровожденіи пляски (4); но никто изъ Армянъ, подобно Гомеру въ Греціи,

(3) Исторія Моисея Хоренскаго lib. I. cap. III.

(4) Ibid. Эпосъ древней Арменіи *Վէպք հնոյն Հայաստանի* г. Эмина. Чтобы познакомить читателя съ этими пѣснями, я приведу одинъ отрывокъ изъ нихъ съ Французскимъ переводомъ, принадлежащимъ Дюлорье; отрывокъ этотъ заключаетъ въ себѣ символическое описаніе рожденія Ваһакна, одного изъ древнѣйшихъ героевъ Арменіи:

Фирдоуси въ Персіи, Віасу и Вальмики въ Индіи, не собралъ этихъ эпическихъ сказаній въ одно цѣлое. Они отрывками переходили изъ рода въ родъ, и были почти единственными туземными источниками древнѣйшей исторіи Армянскаго народа.

По введеніи христіанства, Армяне еще цѣлое столѣтіе не имѣли собственныхъ письменъ; по свидѣтельству историка Вартана, употреблялись письмена трехъ сосѣднихъ народовъ — Грековъ, Персовъ и Сиріянъ. Моисей Хоренскій упоминаетъ только объ употребленіи Персидскихъ и Греческихъ письменъ (5); но болѣе прочихъ употреблялись, кажется, письмена Сирійскія, ибо Лазарь Парпеци говоритъ: «огорчался блаженный Маштоцъ (Месробъ), видя многотрудныя предпріятія Армянскихъ юношей, которые большими издержками, дальними

Երկնէր երկին և երկիր.
Երկնէր և ծիրանի ծով.
Երկն ի ծովուն ունէր
Օ՛կարմրիկ եղեգնիկն.
՚Նդ եղեգան փող՝ ծուխ ելանէր.
՚Նդ եղեգան փող՝ բոց ելանէր.
Նա ի բոցոյն պատանեկիկ
Վ՛ազէր, նա հուր հէր ունէր.
Ա՛պա թէ բոց ունէր մօրուս,
Ա՛ՀԻունքն էին արեգակունք:

Le ciel et la terre étaient dans les douleurs de l'énfentement,
La mer, aux reflets de pourpre, était aussi en travail;
Du sein des eaux naquit un petit roseau vermeil;
Du toyau de ce roseau sortait de la fumée,
Du toyau de ce roseau jaillissait de la flamme,
De cette flamme s'élancait un pétit enfant;
Il avait une chevelure de feu,
Une barbe de flammes,
Les petits yeux étaient deux soleils.

Излишне было-бы говорить, какъ много теряетъ этотъ отрывокъ въ переводѣ: въ подлинникѣ онъ поражаетъ изяществомъ и сжатостью слога, и носитъ на себѣ отпечатокъ древняго востока, какъ и другіе отрывки, приведенные Моисеемъ Хоренскимъ въ его исторіи.

(5) Lib. I, cap. 3; lib. III, cap. 52.

путешествіями и многолѣтнимъ ученіемъ истощали себя въ Сирійскихъ училищахъ: ибо церковная служба и чтеніе книгъ совершалось на языкѣ Сирійскомъ, и народъ не могъ внимать и пользоваться ими, не понимая языка Сирійскаго (6)».

Это обстоятельство, чрезвычайно затруднявшее чтеніе св. писанія въ церквахъ (ибо не всегда находился тамъ искусный переводчикъ, который-бы изустно переводилъ прочитанное имъ на Сирійскомъ языкѣ), было одной изъ побудительныхъ причинъ изобрѣтенія св. Месробомъ Армянскихъ письменъ, — что̀ подтверждаетъ и Моисей Хоренскій, говоря: «Блаженный Месробъ немало трудовъ переносилъ, напутствуя (народъ), ибо самъ былъ и чтецомъ и переводчикомъ, и если кто другой читалъ, гдѣ ему не случалось быть, то оставался непонятымъ народомъ, за отсутствіемъ переводчика, поэтому вознамѣрился изобрѣсть письмена, для Армянскаго языка, и предавъ себя трудамъ, измучился надъ разными опытами (7)».

Хотя главная, побудительная причина изобрѣтенія Месробомъ Армянскихъ письменъ была, какъ мы видѣли, потребность въ Армянскомъ переводѣ св. писанія, немало однако тому содѣйствовали покровительство католикоса св. Исаака, и въ-особенности любознательность царя Армянскаго Врамшапуһа, употреблявшаго, во время пребыванія своего въ Сиріи, всевозможныя усилія къ отысканію человѣка, который-бы изобрѣлъ Армянскія письмена, и одинъ священникъ, по имени Авель «обѣщался доставить ему письмена, изобрѣтенныя епископомъ Даніиломъ, его родственникомъ (8)». Письмена эти были не изобрѣтеніемъ Даніила, но только у него хранились: ибо извѣстно, что съ незапамятныхъ временъ Армяне имѣли свой алфавитъ (9); но какъ онъ былъ безъ гласныхъ, какъ у Арабовъ и Евреевъ, то должны были употреблять письмена сосѣднихъ народовъ. Врамшапуһъ снова велѣлъ ввести ихъ во всѣ училища; но вскорѣ замѣчено было, что они недостаточно выражаютъ всѣ звуки Армянскаго языка (10). Тогда св. Месробъ принялъ на себя трудъ пополнить эту азбуку; для сего онъ сначала обращался къ разнымъ современнымъ ученымъ, но тщетно: никто не могъ помочь ему въ этомъ трудномъ дѣлѣ; онъ предался молитвамъ, и въ видѣніи незримая рука начертываетъ предъ нимъ вожделѣнныя буквы (11). «Во дни его (Ѳеодосія младшаго), говоритъ Асоликъ, жилъ св. архипастырь Армянъ Исаакъ; при немъ (изобрѣтены) письмена Армянскаго языка,—29 философомъ Сирійскимъ; недостаточность-же семи письменъ пополняетъ блаженный Месробъ, родомъ изъ Дарона, получивъ ихъ отъ Бога молитвами» (12). Эти письмена, изобрѣтенныя св. Месробомъ (въ 416 году), числомъ 36, безъ малѣйшаго измѣненія до-сихъ-поръ употребляются Армянами; въ XII ст. къ нимъ прибавлены еще двѣ буквы (օ и Ֆ), а потому 38 буквъ составляютъ нынѣ Армянскую азбуку, «которой,

(6) Стр. 26, то-же повторяетъ и на стр. 30. Изъ этихъ словъ Лазаря видно, что церковная служба совершалась на языкѣ Сирійскомъ, тогда-какъ Моисей Хоренскій говоритъ, что въ церквахъ употреблялся Греческій языкъ (lib. II, cap. 36); поэтому надо-бы полагать, что въ одномъ мѣстѣ Арменіи употреблялся Греческій языкъ, а въ другомъ — Сирійскій, или-же иногда тотъ, а иногда другой; то-же должно разумѣть и о придворномъ языкѣ, ибо Моисей Хоренскій упоминаетъ о Персидскомъ языкѣ, а Лазарь объ обоихъ.

Употребленіе въ Арменіи Сирійскихъ письменъ привело Бошара къ ложному заключенію о сходствѣ Армянскаго языка съ Сирійскимъ, lib. II, cap. 9.

(7) Исторія Моисея Хоренскаго lib. III, cap. 47.

(8) Исторія Моисея Хоренскаго, lib. III, cap. 47.

(9) Кромѣ Армянскихъ историковъ, это подтверждаетъ Филостратъ, современникъ императора Каракаллы, который въ сочиненіи своемъ «Жизнь Аполлона Туанскаго», говоритъ: «однажды Памфилій поймалъ барса, имѣвшаго на шеѣ золотое кольцо, на которомъ *Армянскими буквами* было написано: «царь Аршакъ богу Нивію».

(10) Исторія Моисея Хоренскаго, lib. III, cap. 52.

(11) Ibid. lib. III, cap. 53.

(12) Асоликъ lib. II, cap. 6. Это единогласно подтверждаютъ и всѣ другіе Армянскіе историки — Вартанъ, Лазарь Парпеци (стр. 26 и 30), Корiюнъ, Самуилъ и др.

Замѣчательно, что до введенія Армянскихъ письменъ употреблялись также условные знаки, означающіе извѣстные предметы; такъ по свидѣтельству Агафангела ими записаны были слова св. Рипсимы и св. Григорія-Просвѣтителя: «въ то время, какъ онъ висѣлъ, то все это говорилъ и судейскіе писцы *записали знаками*».

говоритъ Сенъ-Мартенъ, мы обязаны сохраненіемъ языка и литературы Армянской. Вѣроятно, безъ нея этотъ народъ не замедлилъ-бы смѣшаться съ Персами или Сирійцами и совершенно исчезнуть, какъ многіе народы древней Азіи; она рѣзко отдѣляетъ націю и церковь Армянскую, долго охраняла ихъ политическую и религіозную независимость и до-сихъ-поръ продолжаетъ ихъ существованіе (13)».

И такъ Армяне обязаны христіанству не только лучшимъ понятіемъ о Творцѣ міра, лучшими понятіями жизни и лучшею, безъ-сомнѣнія, нравственностію, но и пользою самаго благодѣтельнаго, самаго чудеснаго изобрѣтенія людей. Первымъ непосредственнымъ слѣдствіемъ этого изобрѣтенія было переложеніе на Армянскій языкъ книгъ священнаго писанія семидесяти толковниковъ, къ которому тотчасъ приступили св. Исаакъ и св. Месробъ съ помощію своихъ учениковъ. Переводъ этотъ Греческаго текста (который католикосу Исааку прислалъ Константинопольскій патріархъ Максимиліанъ) отличается въ высшей степени вѣрностію и изяществомъ (14). Лакрозъ называетъ его «царемъ переводовъ» (15). Подобнымъ-же образомъ отзываются и братья Вистоны въ предисловіи своемъ къ Латинскому переводу исторіи Моисея Хоренскаго (16). Англійскій ученый Клавдій Букананъ увѣряетъ, что знатоки Армянскаго языка удивляются точности перевода,—чему, безъ-сомнѣнія, способствовали богатство и гибкость этого языка и глубокія познанія въ Греческомъ языкѣ переводчиковъ свв. Исаака и Месроба.

Любовь и стремленіе, которыя стали обнаруживать Армяне къ наукѣ и литературѣ, послѣ изобрѣтенія алфавита и переложенія книгъ священнаго писанія, можетъ сравниться развѣ только со всеобщимъ стремленіемъ Европы, въ XV вѣкѣ, къ новому свѣту, послѣ мрака среднихъ вѣковъ. Эти два періода исторіи образованія двухъ столь различныхъ народовъ, имѣютъ еще одну общую черту: какъ великіе люди XV ст., Аретинъ, Валла, Виссаріонъ и др. считали своимъ долгомъ, главною цѣлью своихъ трудовъ — оставить вѣрные переводы Греческихъ классиковъ, тою-же энергическою дѣятельностью—переводить всѣхъ Сирійскихъ и Греческихъ писателей, воодушевлены были и ревнители просвѣщенія Армянъ въ началѣ V вѣка, во главѣ которыхъ стояли Исаакъ и Месробъ. Съ этою цѣлію они послали 60 лучшихъ и способнѣйшихъ изъ своихъ учениковъ въ школы Эдессы, Александріи, Аѳинъ и Византіи, для усовершенствованія въ Греческомъ и Сирійскомъ языкахъ и изученія грамматики, философіи и исторіи. Какъ въ XIII и XIV стол. путешествовали изъ Германіи въ Италію и во Францію, такъ въ V вѣкѣ устремились многіе изъ Азіи въ

(13) Histoire de Bas-Empire par Lebeau, t. V, p. 320.

Грузія какъ христіанской религіей, такъ и своими письменами, обязана Арменіи, ибо св. Григорій-Просвѣтитель благословилъ Нину проповѣдовать Евангеліе въ Грузіи, и руководилъ ея дѣйствіями тамъ, а св. Месробъ изобрѣлъ также письмена для Грузинъ и Албанцевъ. Исторія Моисея Хоренскаго, lib. II, cap. 85; lib. III, cap. 54 и др.

(14) Исторія Моисея Хоренскаго, lib. III, cap. 63. Коріунъ.

(15) «Армянскій переводъ, по мнѣ, говоритъ онъ, лучше многихъ переводовъ Новаго Завѣта. Только этому одному языку и принадлежитъ свойство, слово-въ-слово передавать выраженія оригинала. Вамъ извѣстенъ духъ Сирійскаго языка. Языкъ Египетскій еще болѣе удаляется отъ Греческаго, съ которымъ иные находятъ въ немъ нѣкоторыя сходства, по переводу Новаго Завѣта. Ничто не можетъ быть справедливѣе того сужденія, которое произнесъ покойный Пикъ (Piques) объ Армянскомъ переводѣ. Переводъ Армянскій мало извѣстенъ, но онъ лучше Сирійскаго, неоднократно исправляемаго, по свидѣтельству Григорія Абульфараджа и другихъ, по Греческому тексту. Я вамъ не привелъ-бы этого мнѣнія, которое можетъ казаться неопредѣлительнымъ, если-

бы я могъ вамъ дать почувствовать всю красоту, достоинство и энергію, не говоря уже о древности, Армянскаго перевода. Посредствомъ этого перевода можно возстановить текстъ 70 толковниковъ въ безчисленномъ множествѣ мѣстъ. Мнѣ надо-бы было написать цѣлую книгу, еслибы я захотѣлъ письменно изложить то, чтобы я могу сказать объ Армянскомъ переводѣ, къ которому питаю величайшее и весьма основательное уваженіе».

(16) Secuti sunt autem Armeni interpretes in Foederis Antiqui libris versionem Graecam septuaginta interpretum eorumque vestigiis adeo presse insteterunt, quumverbum fere verbo reddiderint, id quod in novo etiam Foedere, do Graeco itidem expresso, factum est. Nec vero diligenter tantum, sed perite etiam scienterque armeni interpretes suo officio functi sunt, ut non modo fidam atque accuratam, verum elegantem ac venustam versionem confecisse videantur, стр. X.

Грецію, для полученія образованія. Софисты Аѳинскіе дѣлили между собою страны, какъ повелители въ искусствѣ слова; такъ, по свидѣтельству Евнапія, къ Юліану стекались слушатели со всего міра, къ Епифану изъ Сиріи, къ Діофанту изъ Аравіи (17); изъ земель-же при-Понтійскихъ, Виѳиніи и вообще изъ странъ, составлявшихъ Римскую *провинцію Азіи*, собирались въ аудиторіи Проэресія, который, будучи родомъ Армянинъ, соотечественникомъ считался между своими слушателями; Проэресій пользовался такою славою, что бюстъ его стоялъ въ Римѣ; ему дали прозваніе *царь краснорѣчія*, — что̀ подтверждаетъ Григорій Богословъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ его учениковъ, говоря: «кто только зналъ Аѳины, тотъ слышалъ и говорилъ о нашихъ наставникахъ». Въ школу знаменитаго своего соотечественника вступили Армянскіе юноши, присланные Исаакомъ и Месробомъ, по прибытіи въ Аѳины; мы ихъ встрѣчаемъ на однѣхъ скамьяхъ съ Василіемъ Великимъ и Григоріемъ Богословомъ, учившимися также у Проэресія. Что касается до того, въ какой степени успѣвали въ наукахъ Армянскіе юноши и какой славой пользовались они въ Аѳинахъ, то въ этомъ отношеніи весьма любопытенъ слѣдующій разсказъ Григорія Богослова: «Примѣчаю въ Армянахъ, говоритъ онъ, что они люди не простодушные, но весьма скрытные и не проницаемые. Такъ въ сіе время нѣкоторые изъ числа болѣе знающихъ и дружныхъ съ Василіемъ, еще по товариществу отцовъ и прадѣдовъ, которымъ *случилось* учиться въ одномъ училищѣ, приходятъ къ нему съ дружескимъ видомъ и предлагаютъ ему вопросы болѣе спорные, нежели разумные. Давно зная даровитость Василія и не терпя тогдашней его чести, они покушались съ перваго пріема *подчинить его себѣ*.... А я *человѣкъ привязанный къ Аѳинамъ* и недальновидный (потому-что, вѣря наружности, не подозрѣвалъ зависти), когда стали они ослабѣвать и обращаться уже въ бѣгство, *возревновалъ о славѣ Аѳинъ, и*

(17) Eunapii vit. Sophist, 1, 68, 75, 79.

чтобъ не пала она въ лицѣ ихъ и не подверглась вскорѣ презрѣнію, возобновивъ бесѣду подкрѣпилъ молодыхъ людей и придавъ имъ вѣсъ своимъ вмѣшательствомъ (въ подобныхъ случаяхъ и малая поддержка можетъ все сдѣлать) ввелъ, какъ говорится, равныя силы въ битву. Но какъ скоро понялъ я тайную цѣль собесѣдованія, потому-что невозможно стало скрывать ее долѣе, и она сама собою ясно обнаружилась, тогда, употребивъ нечаянный изворотъ, перевернулъ я корму, и ставъ за одно съ Василіемъ, сдѣлалъ побѣду сомнительною. Василій-же понялъ дѣло тотчасъ, потому-что былъ проницателенъ, сколько едва-ли кто другой...; и не прежде пересталъ поражать силлогизмами, какъ принудивъ къ совершенному бѣгству и рѣшительно взявъ надъ ними верхъ... они-же удалились безъ успѣха, немало укоряли самихъ себя за опрометчивость, но сильно досадовали на меня, какъ на злоумышленника, и объявили мнѣ явную вражду, обвиняя меня въ измѣнѣ, говоря, что я *предалъ не ихъ только, но и самые Аѳины*» (18).

Изъ этого разсказа, сообщеннаго Григоріемъ Богословомъ съ явною цѣлію унизить Армянъ и показать силу краснорѣчія Василія, можно заключить о той славѣ и учености, которую имѣли ученики Исаака и Месроба; они были, по-видимому, представителями Аѳинъ, ибо когда ослабѣвали въ спорѣ съ Василіемъ, Григорій *возревновалъ о славѣ Аѳинъ, и чтобъ не пала она въ лицѣ ихъ и не подверглась вскорѣ презрѣнію, поддержалъ Армянскихъ юношей;* когда-же онъ сталъ за одно съ Василіемъ, то они, укоряя его въ измѣнѣ, говорили, что *предалъ не ихъ только, но и самые Аѳины.*

Эти знаменитые юноши Армянскіе, вполнѣ достойные великихъ наставниковъ своихъ св. Исаака, Месроба и Проэресія, и славныхъ товарищей Василія Великаго и Григорія Богослова, въ 435 году возвратились въ свое отечество; изъ нихъ въ ли-

(18) Творенія св. отцевъ въ Русскомъ переводѣ, слово 43 Григорія Богослова — надгробное слово Василію архіепископу Кесаріи-Каппадокійской.

Файл из электронной библиотеки Tages Gekatoff: https://vk.com/hecatoff

тературномъ отношеніи въ-особенности замѣчательны: какъ историки — Моисей Хоренскій, Егише, Лазарь Парпеци, Коріюнъ; философъ — Давидъ, епископъ Езникъ Колпскій и многіе другіе.

Мы уже имѣли случай замѣтить, въ какой степени важно для всеобщей исторіи изученіе Армянскихъ историковъ? Они новымъ свѣтомъ озаряютъ событія древней Азіи и Византійской имперіи; съ большею разборчивостью сообщаютъ факты и болѣе обращаютъ вниманіе на изящество слога, чѣмъ историки Арабскіе и Персидскіе, и въ этомъ отношеніи, они превосходятъ даже бо̀льшую часть Византійскихъ историковъ. «Относительно красоты выраженій и изящества слога, говоритъ Сенъ-Мартенъ, они не увлекаются игрою воображенія, подобно другимъ восточнымъ писателямъ, когда хотятъ быть краснорѣчивыми; но, не оставляя совершенно того, что составляетъ восточный слогъ, историки Армянскіе тѣмъ не менѣе умѣли воздерживаться отъ тѣхъ нелѣпыхъ сравненій и тѣхъ странныхъ, натянутыхъ метафоръ, которыя составляютъ вообще отличительную черту Арабскаго и Персидскаго краснорѣчія; можно даже безъ преувеличенія сказать, что многіе изъ нихъ, какъ-то Моисей Хоренскій, Егише, Лазарь Парпеци, Іоаннъ Католикосъ (19) и нѣкоторые другіе достойны вниманія

(19) Жившій въ половинѣ IX столѣтія, особенно замѣчателенъ по своему оригинальному взгляду на исторію, живому и выразительному слогу и глубокимъ идеямъ, которыми изобилуетъ его исторія. Слогъ Іоанна Католикоса полонъ величія и достоинства. Одаренный пылкимъ воображеніемъ, онъ обильною рукою сѣетъ образы и метафоры, не впадая однакожь въ безвкусіе и несообразность; рѣзкими, но краткими сентенціями и драматизмомъ, къ которымъ часто прибѣгаетъ при повѣствованіи, онъ напоминаетъ лучшихъ Греческихъ историковъ. Онъ сообщаетъ весьма интересныя свѣдѣнія, относящіяся къ исторіи Арабовъ, и слѣдитъ за побѣдоноснымъ шествіемъ ихъ въ Азіи, исчисляя всѣ войны и нашествія со временъ Абубекра. Въ первый разъ его исторія была напечатана въ Парижѣ въ 1841 году, во Французскомъ переводѣ Сенъ-Мартена; на Армянскомъ языкѣ она издана въ 1843 году въ Іерусалимѣ, лучшее-же изданіе принадлежитъ профессору Армянскаго языка при Лазаревскомъ институтѣ Восточныхъ языковъ г. Эмину, который, принявъ на себя трудъ сравнить разныя рукописи и прежнее изданіе, подарилъ въ 1853 году своей націи изящное и вѣрное изданіе одного изъ лучшихъ ея

Европейскаго читателя, по своему краснорѣчію, выдержанной чистотѣ слога, ученому составу ораторскихъ періодовъ, они съ большимъ любопытствомъ читаются послѣ тѣхъ великихъ образцовъ, которые мы имѣемъ, и послѣ тѣхъ, которые произвела Грецiя и Римъ» (20).

Да будетъ намъ позволено сказать нѣсколько словъ и о другомъ, не менѣе замѣчательномъ, — товарищѣ Езника, о Давидѣ непобѣдимомъ философѣ, чтобъ точнѣе опредѣлить ту степень, на которой стояло просвѣщеніе въ Арменіи въ эпоху, въ которую жилъ Езникъ.

Давидъ, именуемый своими соотечественниками непобѣдимымъ философомъ (անյաղթ փիլիսոփայ), представляетъ собою разительный примѣръ суетности мірской славы. Этотъ непобѣдимый, весьма просвѣщенный философъ, до-сихъ-поръ вовсе почти неизвѣстенъ ученому міру. Его имени нѣтъ ни въ какихъ исторіяхъ филисофскихъ системъ: напрасно вы стали-бы искать его у Брюнера (21), Теннемана (22), Дежерандо (23); объ немъ ничего положительнаго не сказано ни въ старомъ ни въ новомъ изданіи Bibliotheca graeca Фабриціуса; ученый Буль ограничился только слѣдующимъ замѣчаніемъ: Davides quisnam ille fuerit et quanto vixerit incertum est (24); одинъ ученый только, хотя незнавшій Армянскаго языка, призналъ въ Армянскомъ философѣ — автора Греческихъ комментарій на разныя сочиненія Аристотеля, — это знаменитый библіотекарь Морелли (25). Надобно полагать, что, какъ ревностный христіанинъ, Давидъ

историковъ. Въ предисловіи къ этому изданію г. Эминъ окончательно опровергъ разныя неосновательныя мнѣнія, касательно исторіи Іоанна Католикоса, позднѣйшихъ Европейскихъ и Армянскихъ ученыхъ.

(20) Mémoires sur l'Arménie par St. Martin, t. I. Avant-propos p. 5, 6.

(21) Historia critica philosophiae a mundi incunabilillis ad nostram usque oetatem deducta. Leipscik. 1767.

(22) Geschichte der Philosophie.

(23) Histoire comparée des systemes de philosophie etc. Paris. Eumeny.

(24) Aristotelis op. omn. 1, 298.

(25) Ему сообщилъ много свѣдѣній о Давидѣ знаменитый Армянскій ученый отецъ Инджиджіанъ.

не былъ въ большихъ сношеніяхъ съ своимъ учителемъ и товарищами-язычниками, а потому мы не встрѣчаемъ его имени ни въ сочиненіяхъ Прокла и Дамасція, ни въ біографіи Прокла, Маринуса, гдѣ читаемъ имена многихъ другихъ сотоварищей этого знаменитаго и ученаго эклептика.

Въ качествѣ самостоятельнаго писателя, Давидъ извѣстенъ какъ авторъ грамматики и многихъ разсужденій, направленныхъ противъ еретиковъ, преимущественно противъ послѣдователей Несторія. Въ философіи онъ старался примирить Платона съ Аристотелемъ, полагая, вмѣстѣ съ Аммоніемъ Саккасомъ, что такъ-какъ истина едина, то эти два великіе генія не могли не сходиться, отыскивая ее. Сочиненія Давида, извѣстныя подъ названіями: «о началахъ вещей» (Ցակաց գիրք), «правила философіи» (սահմանք իմաստասիրութեան) ставятъ его на-ряду съ замѣчательнѣйшими философами и учеными своего времени. Давидъ обнаруживаетъ въ этихъ сочиненіяхъ, и въ-особенности въ послѣднемъ, необыкновенную проницательность ума и обширную ученость; онъ цитуетъ почти изъ всѣхъ философовъ древней Греціи и приводитъ цѣлые отрывки изъ ихъ сочиненій, преимущественно изъ Платона. Чтобы вполнѣ оцѣнить, въ какой степени важны труды Давида философа, какъ переводчика нѣкоторыхъ сочиненій Аристотеля, надо припомнить, что большая часть рукописей сочиненій Аристотеля относятся къ XIV столѣтію и только весьма немногіе изъ нихъ къ X и XI, и что древніе комментаторы этого философа Симплицій (VI в.), Іоаннъ Филопонъ (VII в.) и нѣкоторые другіе тогда уже говорили о варіантахъ; если варварскіе Латинскіе переводы, сдѣланные въ XII и XIII столѣтіяхъ, весьма важны для критики и возстановленія Греческаго текста, и, по мнѣнію знаменитаго филолога Виттенбаха, ими можно пользоваться какъ рукописями: то легко себѣ представить, какъ дорого должны цѣниться, относящіеся къ началу V вѣка, переводы Давида, ученика философа Сиріана, самого философа, въ совершенствѣ владѣвшаго обоими языками; къ тому-же, если примемъ въ соображеніе сходство, въ-отношеніи грамматики и синтаксиса, Армянскаго языка съ Греческимъ, и гибкость и лексикологическое богатство Армянскаго языка (26).

Къ числу представителей Армянской литературы въ V вѣкѣ, относится и Езникъ, называвшійся по мѣсту рожденія Колпскимъ, Եզնիկ Կողբացի, одинъ изъ старшихъ учениковъ Католикоса Исаака, глубоко изучившій языки Армянскій, Греческій, Сирійскій и Персидскій; возвратясь изъ долгаго своего путешествія, онъ много переводилъ изъ твореній св. отцевъ (27). Впослѣдствіи былъ епископомъ областей Пакреванда и Аршаруникъ; въ этомъ санѣ онъ участвовалъ на соборѣ, созванномъ патріархомъ Іосифомъ въ городѣ Ардашадѣ (28), для составленія отвѣта на посланіе царя Персидскаго Іездеджирда, предлагавшаго Армянамъ принять ученіе Зороастра. Какъ самостоятельный писатель, онъ замѣчателенъ сочиненіемъ, извѣстнымъ подъ именемъ «Опроверженіе ересей» Եղծ աղանդոց, и собраніемъ сентенцій и нравственныхъ правилъ, խրատք, извлеченныхъ изъ священнаго писанія, преимущественно изъ сочиненій св. Нила.

«Опроверженіе ересей» въ первый разъ было напечатано въ Смирнѣ, въ 1762 г. (Iv. in-12), по приказанію и съ предисловіемъ Іакова, бывшаго Армянскимъ патріархомъ въ Константинополѣ. Изданіе это не отличается въ типографскомъ отношеніи, но довольно вѣрно, и не представляетъ большихъ различій съ новымъ Венеціянскимъ изданіемъ, въ которомъ, къ-сожалѣнію, не обозначены эти различія. Въ Венеціи сочиненіе это издано въ 1826 году, по рукописи, относящейся къ 1280 г. При всей вѣрности этого изданія, въ иныхъ мѣстахъ текстъ или съ трудомъ понимается, или вовсе не понятенъ; замѣтно

(26) Mémoire sur la vie et les ouvrages de David, philosophe arménien de V siècle de notre ére, et principalement sur ses traductions de quelques écrits d'Aristote par M. C. F. Neumann.

(27) Исторія Моисея Хоренскаго lib. III, cap. 60.

(28) Егише, стр. 46. Лазарь Парпеци, стр. 74. Инджиджіана, Археологія Арменіи, т. III, стр. 283.

искаженіе. Не одно и то-же заглавіе носитъ сочиненіе Езника въ обоихъ изданіяхъ: въ Смирнскомъ оно названо «Книга противорѣчій», գիրք ընդդիմութեանց, въ Венеціянскомъ-же — «Опроверженіе ересей», եղծ աղանդոց; издатель не объяснилъ причины этого измѣненія. Оба изданія не согласуются въ дѣленіяхъ и подраздѣленіяхъ сочиненія: Смирнское заключаетъ въ себѣ 75 главъ, Венеціянское-же раздѣлено на 109 главъ, заключающихся въ четырехъ отдѣлахъ, изъ которыхъ въ первомъ опровергается ученіе язычниковъ, во второмъ — Персидскихъ маговъ, въ третьемъ — Греческихъ мудрецовъ, и въ четвертомъ — Маркіонистовъ или Манихейцевъ. «Книга эта заключаетъ въ себѣ, говоритъ Сомаль, много миѳологическихъ свѣдѣній, весьма полезныхъ для бо̀льшаго уразумѣнія древностей Персіи и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно любопытныхъ» (29). «Въ Езникѣ встрѣчаемъ мы, говоритъ Флориваль, высокое вдохновеніе, новыя и глубокія идеи, выраженныя слогомъ оригинальнымъ и величавымъ (30).

Сочиненіе это Вальянъ де Флориваль, профессоръ Армянскаго языка въ спеціальномъ училищѣ восточныхъ языковъ при императорской Парижской библіотекѣ, перевелъ на Французскій языкъ, а Нейманъ, профессоръ Армянскаго языка въ Мюнхенѣ, перевелъ изъ него мѣста, касающіяся до религіозной системы Маркіона и объ отношеніи ученія Манія къ Парсизму, помѣстивъ въ четвертомъ томѣ «Der Zeitschrift für historische Theologie» (31). Въ этомъ твореніи Езника особеннаго вниманія заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, второй отдѣлъ его, гдѣ опровергается ученіе Персидскихъ маговъ. Чѣмъ болѣе это разсужденіе приближается къ своему времени, тѣмъ болѣе получаетъ важности въ нашихъ глазахъ; но чтобы вполнѣ оцѣнить его благотворное вліяніе на современное общество и значеніе въ ученомъ мірѣ, надобно припомнить обстоятельства, породившія его на свѣтъ.

(29) Quadro della Storia letteraria di Armenia стр. 22, 23.

(30) Réfutation des differantes sectes des paiens, traduit par M. le Vaillant de Florival. Introduction.

(31) Versuch einer Geschichte der armenischen literatur von Carl Friedrich Neumann.

Въ 428 году въ Арменіи прекратилось царствованіе дома Арсакидовъ, и она частію вошла въ составъ Византійской имперіи и частію — монархіи Сасанидовъ, основатель которой Ардеширъ-Бабеганъ возстановилъ древнюю религію Зороастра во всей ея первобытной чистотѣ. Христіанская религія, стремленіе Армянъ къ изученію Греческаго языка и литературы, употребленіе Греческихъ законовъ (32), все это возбуждало страшное подозрѣніе въ Персидскихъ царяхъ, которые употребляли всевозможныя усилія, чтобы удалить Арменію отъ всякихъ сношеній съ Византіей; Греческіе-же императоры, съ своей стороны, всѣми средствами старались поддержать въ Арменіи духъ непокорности и возстанія князей, надѣясь ими воспользоваться. Тогда Сасаниды запретили употребленіе и изученіе Греческаго языка въ Арменіи, велѣли собирать и сожигать всѣ книги, написанныя на этомъ языкѣ, и наконецъ стали преслѣдовать христіанскую религію, стараясь замѣнить ее огнепоклонствомъ. Съ этою цѣлію Персидскій царь Іездеджирдъ II (по Армянски Յազկերտ Հազкердъ) въ 442 году послалъ въ Арменію Персидскаго полководца Миһръ-Нерсеһа со множествомъ маговъ и воиновъ. Не смѣя прибѣгнуть къ силѣ, Миһръ Нерсеһъ призвалъ къ себѣ всѣхъ Армянскихъ, Грузинскихъ и Албанскихъ князей, подъ предлогомъ войны съ Гуннами, принялъ ихъ съ большою почестью, осыпалъ подарками и успѣлъ удалить изъ отечества. Васакъ былъ назначенъ тогда правителемъ Арменіи, а Вартанъ—главнокомандующимъ войсками. Впродолженіи двухъ лѣтъ Армяне удачно сражались съ Гуннами и оказали большія услуги Персидскому царю, но ничто не могло склонить ихъ отречься отъ вѣры Христовой: тщетны были всѣ угрозы, дары и обѣщанія, къ которымъ поочереди прибѣгало

(32) Указъ Юстиніана въ Novelae Constitutiones, novell XXI, «De Armeniis ut et ille peromnia leges Romanorum sequantur».

Персидское правительство, и наконецъ рѣшилось прибѣгнуть къ открытой силѣ—многіе князья, бывшіе въ Персіи, приняли тамъ за вѣру мученическій вѣнецъ, въ Арменію-же послано было многочисленное войско, и Миһръ Нерсеһъ прислалъ къ князьямъ и епископамъ подробное изложеніе Зороастровой религіи, убѣждая ихъ принять ее.

Это посланіе, сохранившееся у современнаго историка Егише, есть другой, весьма замѣчательный памятникъ Армянской письменности, поясняющій ученіе Зороастра (33), а потому мы приведемъ его здѣсь въ переводѣ: «Миһръ Нерсеһъ великій повелитель (34) Ирана и Турана князьямъ великой Арменіи привѣтъ. Знайте, что всякій человѣкъ, подъ небомъ живущій и не слѣдующій религіи Маздэзна (35), слѣпъ, глупъ и

(33) «Elle est fort curieuse et fort inportant..... c'est le morceau le plus ancien et le plus authentique que nous possédions sur la réligion de Zoroastre». Mémoires sur l'Arménie par St. Martin, t. I, pag. 323.

(34) Վզրուհ Հրահանատար (т. е. великій повелитель) очевидно образовалось изъ Персидскихъ словъ بزرك فرماندار, имя существовавшей тогда должности.

(35) *Мадзіезнъ*, говоритъ С. Саси, означаетъ поклонникъ Ормузда; но странно, какимъ-образомъ слово *маздъ* безъ перваго слога своего *ор* или *ур*, означающаго *свѣтъ, огонь*, (по-Армянски Հուր һуръ — означаетъ тоже огонь) можетъ значить Ормуздъ; мы нигдѣ не встрѣчаемъ этого слова безъ перваго его слога. Въ гвоздеобразныхъ надписяхъ Альванда и Вана читается Урмузда اورمزدا и һурмуздъ هورمزد, Моголы произносятъ его съ твердой придыхательной Хурмузда. Ормуздъ есть существо *божественное*, происшедшее отъ бога безпредѣльнаго, называвшагося *Іездъ* (يزدٓ). Корень *Іезд* или *азд*, имѣющій такимъ-образомъ значеніе—*обожать*, сохранилъ это значеніе и въ производномъ отъ него словѣ *мазд*: ибо предшествующая ему *м* образуетъ правильное Халдейское причастіе, означающее — *обожатель Іезда* или бога высшаго; боги низшаго разряда или добрые духи называются Іезданъ (يزدان) боги, форма множественнаго числа слова Іездъ). Замѣчательно, что корень *езд* или *азд* сохранилъ свое значеніе и въ языкѣ Армянскомъ: ибо слово Асдуадзъ Աստուած составилось изъ двоякаго повторенія *азд* и означаетъ богъ-боговъ Іезданъ Іездъ, Deorum Deus; буква ծ *дза* повторяясь, въ первомъ слогѣ замѣнилась *ит сд*; значеніе слова Асдуадзъ — богъ-боговъ совершенно согласно съ ученіемъ Маговъ, нѣкогда господствовавшемъ въ Арменіи.

обманутъ *девами* (36) Аримана. Когда неба и земли еще не существовало, Зерванъ (37), великій богъ, впродолженіе тысячи лѣтъ приносилъ жертвы (38), говоря: можетъ-быть, родится у меня сынъ, по имени Ормиздъ (39), который сотворитъ небо и землю.

«Во чревѣ его зачались двое, одинъ за приношенія, а другой за слово: можетъ быть. Когда онъ узналъ, что двое во

(36) Езникъ, Егише и другіе Армянскіе, писатели для выраженія понятія о демонѣ или нечистомъ духѣ, употребляютъ всегда слово *девъ* դև; въ томъ-же смыслѣ оно употребляется и у Персіянъ (دَو или دِيو). Это слово, получившее у Персіянъ свое настоящее дурное значеніе, кажется, со временъ введенія Зороастрова религіи, имѣетъ общее происхожденіе съ словами *Θεός*, Deus, въ незапамятныя времена перешедшими на западъ съ значеніемъ діаметрально-противоположнымъ тому, какое имѣетъ ихъ корень въ языкахъ Санскритскомъ и отъ него происшедшихъ; множественная форма *дикъ* դիք значитъ по-Армянски ложные боги, кумиры. Какъ слово *Dii*, долгое время употребляемое христіанскими писателями, для означенія языческихъ боговъ западной Европы, имѣло смыслъ демоновъ, такъ и у Армянъ слово *девъ* դև, означаетъ злой духъ, դիք ложные боги, божества древней Арменіи; послѣднее слово въ единственномъ числѣ имѣетъ еще худшее значеніе: դի трупъ. Мы въ нашемъ переводѣ вездѣ сохранили слово *девъ*, не замѣняя его равнозначущимъ Русскимъ словомъ.

(37) Имя бога Зервана весьма рѣдко встрѣчается въ книгахъ Зороастра въ Зендской формѣ Зеруано; это — время безпредѣльное, Сатурнъ или Хроносъ. Слово Зеруано употреблялось въ Зендскомъ языкѣ, какъ простое имя существительное, означая *время;* можетъ быть, съ такимъ-же значеніемъ и слово Зерванъ زروان употреблялось въ Персидскомъ языкѣ, покуда Арабы не ввели, вмѣсто его, въ употребленіе слово زمان, общее и Персидскому и Арабскому языкамъ; оно происходитъ отъ Зендскаго *земо*.

(38) Армянское слово *һашдъ* յաշտ, которое я, какъ здѣсь, такъ и въ разсужденіи Езника перевелъ словомъ *жертва*, обще всѣмъ нарѣчіямъ Зендскаго языка, Анкетиль-Дюперронъ сохраняетъ его въ своемъ переводѣ Зороастровыхъ книгъ, гдѣ оно всегда означаетъ *молитва*. Слово *һашдъ*, какъ и слова Ормуздъ и Мадзіезнъ, происходятъ отъ общаго корня *іезд* или *азд*.

(39) Богъ Ормиздъ въ Наскасѣ названъ Аһура-мазда, въ Греческихъ книгахъ онъ названъ Ормиздасъ или Орамазесъ, въ Персидскихъ книгахъ һормузда, въ Армянскихъ Ормиздъ. Слово Аһура-Мазда нѣкоторые Европейскіе ученые объясняютъ слѣдующимъ образомъ: *Аһура* означаетъ *царь, господинъ, господь небесный*; *мазда*, состоитъ изъ двухъ корней — *маз* значитъ— *великій, да* — законъ, знаніе; и такъ богъ есть существо всевѣдущее.

Файл из электронной библиотеки Tages Gekatoff: https://vk.com/hecatoff

чревѣ его, то сказалъ: тотъ, кто первый родится на свѣтъ, получитъ царство мое. Зачавшійся отъ сомнѣнія прорвалъ чрево и вышелъ на свѣтъ. Кто ты? спросилъ его Зерванъ. Сынъ твой Ормиздъ, отвѣчалъ онъ. Нѣтъ! сынъ мой свѣтозаренъ и благовоненъ, возразилъ Зерванъ; ты-же мраченъ и золъ. Но когда онъ горько заплакалъ, то далъ ему царство на тысячу лѣтъ.

«Потомъ родилъ онъ другаго сына, котораго назвалъ Ормиздомъ, отнялъ царство у Арһмена(40) и отдалъ Ормизду, сказавъ ему: до-сихъ-поръ я дѣлалъ тебѣ приношенія, теперь ты мнѣ приноси. Тогда Ормиздъ сотворилъ небо и землю; Арһменъ-же, напротивъ, сотворилъ зло. Такимъ образомъ раздѣлились всѣ творенія: ангелы-Ормизда, а девы-Арһмена. Всѣ блага, нисходящія съ небесъ на землю, суть дѣла Ормизда; а всѣ злополучія, здѣсь и тамъ совершающіяся, создалъ Арһменъ. Все доброе на землѣ создалъ Ормиздъ, а все недоброе Арһменъ; такъ Ормиздъ создалъ человѣка, а горести, болѣзни и смерть создалъ Арһменъ. Несчастія, пораженія и бѣдственныя войны суть творенія злаго начала; но благоденствіе, могущество, слава, почести, здоровье тѣлесное, красота лица, краснорѣчіе, долголѣтіе получаютъ существованіе отъ благаго, и все, что не таково, къ нему примѣшано твореніе злаго.

«Не вѣрьте вождямъ вашимъ, которыхъ называете Назаретянами (41). Чему словами поучаютъ, то не подтверждаютъ своими поступками: ѣсть мясо, говорятъ они, не грѣхъ; однакоже не ѣдятъ его сами. Жениться, говорятъ они, слѣдуетъ; а между тѣмъ сами не хотятъ и смотрѣть на женщинъ. Собирать богатства считаютъ за великій грѣхъ и восхваляютъ бѣд-

(40) Арһменъ или Ариманъ въ Зендскихъ книгахъ называется Aghro—maynus — злой духъ, а также и Петіаре — соперникъ, какъ существо во всемъ противодѣйствующее Ормизду. Мы въ своемъ переводѣ сохранили Армянское его названіе: Арһменъ, и, для болѣе точнаго произношенія этого слова, вездѣ Армянскую букву ՀՀ замѣнили Латинскою *h*.

(41) Арабы часто словомъ نصرى *нозара* т. е. назаретяне называютъ христіанъ.

ность. Они превозносятъ несчастіе и порицаютъ благоденствіе, насмѣхаются надъ словомъ: Судьба (42), и презираютъ всякаго рода славу; любятъ одѣваться въ платья грубыя, и предпочитаютъ вещи ничтожныя драгоцѣннымъ; восхваляютъ смерть и презираютъ жизнь..... Но я не стану вамъ подробно описывать, мало-ли чему они учатъ.... Вамъ предстоятъ два пути: или отвѣчайте на каждое слово этого письма, или приходите ко двору и предстаньте предъ великимъ судилищемъ (43)».

Патріархъ Іосифъ въ 450 году собралъ всѣхъ знаменитыхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ государства въ Ардашадѣ, гдѣ единогласно опредѣлили отвѣтить царю, что Армяне не отрекутся отъ вѣры своихъ отцовъ и до послѣдней капли крови готовы защищать ее. Разгнѣванный Іездеджирдъ велѣлъ заковать въ цѣпи всѣхъ, бывшихъ при его дворѣ, Армянскихъ князей, владѣтеля Грузинскаго и царя Албанскаго, и послалъ въ Арменію многочисленное войско и множество маговъ, чтобы разрушить христіанскіе храмы и распространить поклоненіе огню.

Тогда народъ, по голосу своего патріарха и епископовъ, единодушно взялся за оружіе и Вартанъ Мамиконеянъ собралъ подъ свои знамена 100,000 войска, разбилъ на-голову Персовъ и разрушилъ всѣ воздвигнутые ими храмы для поклоненія огню (44).

Въ то время, какъ Вартанъ покрывалъ себя славой освободителя отечества, Албанія, стонавшая отъ преслѣдованій Персіянъ, просила у Армянъ помощи. Прежде чѣмъ Вартанъ пошелъ на защиту Албаніи, онъ обратился къ императору Ѳеодосію II, прося у него вспомоществованія, чтобы съ бо́льшимъ успѣхомъ противоборствовать покушеніямъ царя Персидскаго, приготовлявшагося отомстить за пораженіе, понесенное его

(42) Какъ здѣсь, такъ и у Езника, этимъ намекается, кажется, на поклоненіе Судьбѣ, которая по-Армянски и по-Персидски называется словомъ *բախտ*, بخت.

(43) Егише cap. 2, p. 41—46, изд. 1832.

(44) Ibid.

войскомъ и магами. Ѳеодосій въ это время умеръ (450); наслѣдовавшій ему императоръ Маркіанъ, занятый религіозными раздорами, и не думалъ помогать Армянамъ въ неравной войнѣ ихъ съ Персами (45). Армяне, предоставленные собственнымъ силамъ, рѣшились скорѣе всѣ до единаго погибнуть, чѣмъ дозволить иноплеменнымъ ругаться надъ вѣрою своихъ отцевъ. Вартанъ раздѣлилъ войска на три части: одну, подъ предводительствомъ Нершапуһа Ремпосеянъ, отправилъ на границы Адербайджана удерживать напоръ Персовъ; со второю самъ отправился на освобожденіе Албаніи; третья была вручена Васаку; она должна была защищать внутреннія части отечества и составлять резервъ. Вартанъ разгромилъ Персидское войско, бывшее въ Албаніи, взялъ въ плѣнъ ея полководца, овладѣлъ всей Албаніей и призвалъ на помощь Гунновъ (46).

Въ то время, какъ Вартанъ прославлялъ себя новыми блестящими побѣдами на берегахъ Куры и Каспійскаго моря, Васакъ — правитель Арменіи, тайно преданный Персидскому царю, пользуясь удаленіемъ Вартана, сбросилъ личину и отрекся отъ христіанства. Нѣкоторые князья послѣдовали его примѣру и, принявъ сторону Персіянъ, открыли имъ свободный входъ въ Арменію, разрушили городъ Ардашадъ и предали огню и мечу процвѣтавшую область Араратскую. Вартанъ, озабоченный этой измѣной и неистовствомъ, поспѣшилъ оставить Албанію; но въ началѣ 451 года новыя несмѣтныя полчища Персіянъ ворвались въ предѣлы Арменіи. Вартанъ пошелъ на встрѣчу имъ и князьямъ измѣнникамъ и на берегу рѣки Тгмутъ, на границахъ Адербайджана, было кровопролитное сраженіе. Армяне, воодушевленные религіознымъ энтузіазмомъ и примѣромъ начальниковъ, дрались отчаянно, но бой былъ слишкомъ не равенъ: большая часть изъ нихъ, вмѣстѣ съ славнымъ полководцомъ своимъ Вартаномъ, приняли мученическій вѣнецъ,

(45) Ibid. Лазарь Парпеци. 106—107.

(46) Егише сар. 3 и 4. Лазарь Парпеци 108—113.

заставивъ Персидскаго царя отказаться отъ своего намѣренія, который и предоставилъ вскорѣ Арменіи свободу вѣроисповѣданія (47).

И такъ въ эту смутную эпоху, когда, хотя большинство и осталось вѣрнымъ христіанской религіи, многіе, какъ мы видѣли, частію увлеченные обѣщаніями, частію испуганные угрозами, большая-же часть по невѣжеству, приняли ученіе маговъ, и во многихъ мѣстахъ Арменіи воздвигнуты были храмы огнепоклонниковъ. Епископы, призывая народъ къ оружію, вмѣстѣ съ тѣмъ должны были обнаружить предъ ними нелѣпость новаго ученія. Съ этою цѣлію, безъ сомнѣнія, написалъ Езникъ, епископъ, двухъ областей — Пакреванда и Аршаруникъ, — «опроверженіе ученія маговъ»; сочиненіе это между прочимъ весьма замѣчательно тѣмъ, что сообщаетъ намъ множество астрономическихъ, миѳологическихъ и религіозныхъ повѣрій послѣдователей Зороастра; свѣдѣнія эти тѣмъ болѣе драгоцѣнны, что справедливость ихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, ибо они написаны человѣкомъ, непосредственно имѣвшимъ дѣло съ самими магами, — съ цѣлью предостеречь народъ отъ лживаго ихъ ученія. По этому на это опроверженіе не должно смотрѣть, какъ на ученый трактатъ (48). Опровергаемое ученіе не заимствовано

(47) Эта борьба христіанства съ Зороастровымъ ученіемъ въ Арменіи описана историкомъ Егише, бывшимъ секретаремъ Вартана; Егише занимаетъ первое мѣсто послѣ Моисея Хоренскаго въ Армянской литературѣ по важности эпохи, имъ описываемой, по вѣрности и интересу свѣдѣній и наконецъ по необыкновенно-изящному и выразительному слогу. Исторія Егише переведена на Русскій языкъ г. П. Шаншіевымъ.

(48) Евгеній Боре, не обращая вниманія на обстоятельства, бывшія причиной появленія этого разсужденія и на цѣль его, требовалъ отъ Езника ученаго и систематическаго сочиненія; этотъ ложный взглядъ привелъ его къ слѣдующему несправедливому приговору о Езникѣ: Mais il juge ces sujets en docteur chrétien nouvellement converti ou comme un professeur de théologie aux arguments puérils et scolastiques. Il ne pénètre point au fond de ces grands erreurs qui remuerent toutes les intelligences de l'Orient dans l'antiquité; il s'arrete à la superficie des choses, dénature quelquefois les croyances et les traditions de ses adversaires, soit qu'il ne les ai pas comprises ou bien qu'il veuille se donner plus de facilité à les refuter, comme si les dogmes eux mêmes du christianisme,

изъ книгъ Зороастра, но записано со словъ маговъ, которыми они соблазняли его паству. Имѣя цѣлію въ одно и то-же время и опровергнуть своихъ противниковъ не-христіянъ и защитить христіянъ отъ соблазна, Езникъ употребляетъ два рода доказательствъ: философскіе силлогизмы и евангельскія свидѣтельства — доводы разума и слова священнаго писанія (49). Недостаточность свѣдѣній о системахъ, имъ обозрѣваемыхъ, и Армянскіе выраженія, не всегда точно замѣняющія терминологію этихъ системъ, затрудняютъ пониманіе смысла. Въ Смирнскомъ изданіи издатель отмѣтилъ названія, главы и стихи тѣхъ книгъ свящ. писанія, откуда Езникъ приводитъ свои доказательства безъ ссылокъ на сіи книги. Мы въ своемъ переводѣ эти цитаты частію привели изъ Славянскаго перевода, частію же передали своими словами.

Езникъ отличается необыкновенной чистотой, изяществомъ и краткостью слога.

Зная, въ какой степени важны точные переводы подобныхъ сочиненій, мы старались какъ можно болѣе придерживаться текста: по этому часто предпочитали нестройные періоды и нѣсколько, можетъ быть, несвойственныя Русскому языку выраженія, болѣе изящнымъ, но не совсѣмъ точно выражающимъ смыслъ текста. По причинѣ сжатости выраженій Езника, часто необходимо было, для полноты мысли на Русскомъ языкѣ, вставлять слова, которыя мы заключали въ скобки (—).

Познакомивъ читателя съ эпохой, въ которой жилъ Езникъ, и съ обстоятельствами, имѣвшими вліяніе на появленіе этого разсужденія, откуда объясняется точка зрѣнія, съ которой

lorsqu'ils ne sont pas envisagés d'une manière large et complète, ne pouvaient donner prix à de fortes objections. De l'Arménie par Eug. Boré. Journal Asiatique. Mars 1836.

(49) Лазарь Парпеци, въ письмѣ своемъ къ Ваһану Мамиконеану, между прочимъ говоритъ, что наставники ихъ свв. Исаакъ и Месробъ требовали отъ своихъ учениковъ, чтобы они знали наизустъ Ветхій и Новый Завѣтъ «какъ Псалмы Давида» (выраженіе весьма характеристическое), а потому Езникъ, часто не оговаривая, приводитъ цѣлыя строки изъ св. писанія.

должно смотрѣть на это сочиненіе, и пояснивъ также главную задачу нашего перевода, весьма любопытно было-бы сравнить свѣдѣнія, сообщаемыя Езникомъ объ ученіи Зороастра, съ самими его книгами, показать сходство и различіе между ними. Такое сравненіе было-бы тѣмъ болѣе интересно, что до-сихъ-поръ еще не рѣшенъ вопросъ—дѣйствительно-ли книги, которыя мы принимаемъ за Зороастровы, принадлежатъ ему и древнимъ Персамъ, тогда-какъ свѣдѣнія, сообщаемыя Езникомъ, записаны почти со словъ самихъ маговъ. Но тѣсные предѣлы нашей статьи не позволяютъ намъ принять на себя трудъ этого сравненія; ограничимся на этотъ разъ изложеніемъ ученія Зороастра, по новѣйшимъ изысканіямъ Европейскихъ ученыхъ, предоставивъ любознательному читателю самому дѣлать сравненія и выводить заключенія (50).

(50) ***Zoega.*** Abhandlung, etc. съ примѣчаніями Велькера.

I. G. Rhode. Die heilege Sage und das gesammte Religions System der alten Baktrer, Meder und Perser, oder des Zendvolks. Франкфуртъ на Майнѣ 1820. См. также въ его Beyträge zur Alterthumskunde etc. и Ueber Herodote und die Glaubwürdigkeit seiner Geschichten, besonders in Hinsicht der Religion und Geschichte der Alten Perser.

Seel. Die Mithrageheimnisse wärend der vor-und urchristlichen Zeit. Aarau. 1823.

Hyde. De Religion veterum Persarum oxon. 1700. Онъ первый дѣлалъ изысканія надъ Зендъ-Авестой, которую Анкётиль дю-Перронъ въ 1771 году издалъ въ Парижѣ, во Французскомъ переводѣ, подъ заглавіемъ: Zend-Avesta. Ouvrage traduit de Zoroastre. Клёкеръ перевелъ ее на Нѣмецкій языкъ (1776, 1782, 1783) съ весьма важными приложеніями, въ-особенности извлеченія изъ Греческихъ и Латинскихъ писателей, помѣщенныя имъ въ предисловіи.

W. Jones. Lettre à M. Anquetil etc. Londres 1771. Meiner и Tychsen, Mémoires въ Commentaires de la Société de Goëttingen, William Ershine въ двухъ запискахъ въ Transactions of the litterary society of Bombay, t. II, 1820, отвергаетъ подлинность Зендъ-Авесты; Eug. Burnouf утверждаетъ, что Анкётиль во многихъ мѣстахъ искажаетъ настоящій ея смыслъ.

Rask. De l'antiquité de la langue et de l'authenticité du Zend-Avesta. Copenhague. 1826. Краткое изложеніе полемики между Англійскими, Нѣмецкими и Французскими учеными о подлинности Зендъ-Авесты, доведенное Анкётилемъ и Клёкеромъ до Тигсена и Геерена, можно читать въ примѣчаніи Гизо къ Гиббону (T. II, p. 7, Paris 1819).

Eichhorn. «De Deo sole invicto Mithra» въ Comm. de Goëttingen.

Парижская академія надписей и словесныхъ искусствъ (Académie des in-

Зороастръ есть одна изъ тѣхъ великихъ личностей, которымъ преданіе приписываетъ множество отдаленныхъ и разнообразныхъ фактовъ, которыхъ величіе и блескъ болѣе затемняетъ ихъ, чѣмъ освѣщаетъ. По мнѣнію однихъ, онъ жилъ за 6000 лѣтъ до Р. Х. Вольней считаетъ его современникомъ Нина, т. е. жившимъ за 12 вѣковъ до Р. Х. (51); другіе Густаспа, современника Зороастра, принимаютъ за Дарія Гистаспа Грековъ, т. е. Зороастра относятъ къ концу VI столѣтія (52).

---

scriptions et belles-lettres) въ 1821 году и потомъ въ 1823 назначила премію за сравненіе памятниковъ, оставшихся послѣ древнихъ Персидской и Халдейской монархій, въ зданіяхъ, барельефахъ, статуяхъ, надписяхъ, амулетахъ монетахъ и пр., съ ученіемъ и религіозными иносказаніями, заключающимися въ Зендъ-Авестѣ, въ особенности-же со всѣмъ тѣмъ, что Еврейскіе, Греческіе, Латинскіе и восточные писатели сообщаютъ о религіозныхъ мнѣніяхъ и обычаяхъ Персовъ и Халдеевъ. Никто еще до-сихъ-поръ удовлетворительно не выполнилъ это требованіе.

Въ 1825 году та-же академія предложила слѣдующую задачу: отыскать свойство и происхожденіе поклоненія Митру (Mythras); опредѣлить его отношенія къ религіи Зороастра и другимъ религіознымъ системамъ Персіи; описать обряды и эмблемы этого ученія; опредѣлить эпоху и причину введенія его въ Римскую имперію; показать измѣненія, которыя она потерпѣла, столкнувшись съ религіозными и философскими мнѣніями Грековъ и варваровъ; наконецъ начертать его исторію, сколько возможно полную, по рукописямъ, надписямъ и памятникамъ искусства. Премію получилъ Феликсъ Лажаръ.

(51) Мнѣніе свое Вольней преимущественно, основываетъ на свидѣтельствѣ Моисея Хоренскаго, о которомъ отзывается въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Книга Моисея Хоренскаго издана только въ 1736 году, слѣдовательно лѣтописцы, предшествовавшіе этому времени, лишены были столь важныхъ свѣдѣній. И какъ весь этотъ отрывокъ заключаетъ въ себѣ драгоцѣнныя и разрѣшающія занимающій насъ вопросъ подробности, читатель найдетъ его здѣсь къ своему удовольствію, потому-что книга эта очень рѣдкая. Разсказавъ согласно Халдейской книгѣ Александра миѳологическіе войны Гайка съ Беломъ, Моисей Хоренскій доходитъ до войнъ дѣйствительно историческихъ, и этотъ его переходъ замѣчателенъ нѣсколькими обозрѣніями, которыя по содержанію своему достойны быть здѣсь приведенными». Далѣе Вольней приводитъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о Зороастрѣ и Семирамидѣ и др. сообщаемыя Моисеемъ Хоренскимъ въ XIII, XIV, XV, XVI, XVII главахъ его исторіи, и потомъ заключаетъ: «Послѣ столь точныхъ свѣдѣній, заимствованныхъ изъ такого *вѣрнаго источника*, не остается никакого сомнѣнія въ эпохѣ, когда жилъ Зороастръ». Recherches nouvelles sur l'histoire ancienne par Wolney, p. 453, 454, 455.

(52) Гёррес, Гиде, Анкётиль, Клёкеръ, Мюллеръ, Малькольмъ, Гаммеръ и др.

Зороастръ, какъ и всѣ основатели новыхъ религій, воспользовался идеями, до него существовавшими, что доказываетъ самое его ученіе, гдѣ все стройно, опредѣленно, такъ-же какъ и отвлеченно. Его вниманіе исключительно было обращено на нравственность; борьба двухъ началъ представляетъ вражду, которой причиною былъ первоначальной грѣхъ и которая должна кончиться искупленіемъ. Нѣкоторые отдѣлы ученія менѣе обдуманны и приближаются къ религіи Индіи; въ другихъ-же блистаетъ лучъ первоначальнаго единства, такъ, когда Ормуздъ говоритъ: «мое имя есть Тотъ, который есть (Іегова), который есть все, который сохраняетъ все» (53); или въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Слово, сказанное Богомъ, слово жизни и дѣятельности, которое было прежде воды, неба, земли, животныхъ, растеній; прежде огня, человѣка чистаго и девовъ; прежде всѣхъ благъ и чистыхъ зародышей (54).

Главная основная идея религіи Персовъ есть двойственность началъ, — свѣта и тьмы, и борьба между этими двумя началами, которая должна кончиться торжествомъ перваго. Чистый свѣтъ олицетворенъ въ Ормуздѣ, а Аримань — злой духъ, по собственному желанію, сдѣлался злымъ изъ добраго, какимъ онъ былъ первоначально. Зерванъ Вѣчный есть высшее существо, давшее начало Зервану т. е. времени. Отъ трона Вѣчнаго исходитъ первоначальное слово — Honover (Fiat), создавшее всѣ благія существа. Ормуздъ непрестанно повторяетъ это слово, съ нимъ повторяютъ его и духи, повсюду разсѣянные; молитвы, которыя маги безпрерывно должны произносить въ храмахъ, сообразно различнымъ днямъ и положеніямъ солнца,—есть безпрестанное его повтореніе на землѣ. Какъ только это слово перестанетъ раздаваться на небѣ и имѣть эхо на землѣ, міръ тотчасъ погибнетъ. Законъ Зороастра есть какъ-бы его тѣло, а потому онъ называется Зендъ-

---

(53) Izesne, На. XIX, t. I.

(54) Jescht Ormuzd. p. 145, t. II. Зендъ-Авеста Анкётиля.

Авестой т. е. живымъ словомъ. Зендъ-Авеста состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ частей, написанныхъ на двухъ различныхъ языкахъ — Зендскомъ и Пеһлевійскомъ. Книги Зендскія всѣ каноническія: ***Вендидадъ*** или воинственный, названный такъ отъ борьбы со злымъ началомъ; ***Изеснь***, возвышеніе души; ***Виспередъ*** начальники существъ. Соединеніе этихъ трехъ книгъ образуетъ ***Вендидадъ-Саде***, родъ служебника, который маги ежедневно должны читать предъ восхожденіемъ солнца; ***Іештъ-Саде*** собраніе молитвъ на Зендскомъ, Пеһлевійскомъ и Парскомъ языкахъ; ***Сирузе***, тридцать, родъ литургійнаго календаря; ***Бундеһешъ*** или ***что было создано сначала***, Пеһлевійская книга, заключаетъ въ себѣ космогонію и энциклопедію всего, относящагося до религіи, богослуженія, астрономіи, гражданскихъ постановленій и земледѣлія. Зендъ-Авеста, какъ и всѣ своды первобытныхъ религій, не представляетъ полной системы космогоніи, но только легенду (55). Борьба между добрымъ и злымъ началами продолжается двѣнадцать тысячъ лѣтъ, которыя поочереди царствовали впродолженіе 4 періодовъ, на которые раздѣлено это пространство времени. Впродолженіе перваго періода царствовалъ одинъ Ормуздъ; во второмъ появился Ариманъ, но еще подчиненнымъ; въ третьемъ періодѣ, который теперь продолжается, и ведетъ войну съ добрымъ началомъ; въ четвертомъ періодѣ, грядущемъ, восторжествуетъ доброе начало.

Ормуздъ прежде всего словомъ Гоноверъ создалъ Ферверовъ, безсмертныхъ ангеловъ, поставленныхъ на небѣ сторожить непріятеля и возносить молитвы праведныхъ; ихъ столько, сколько и существъ.

Ормуздъ создалъ сводъ небесный и землю, на которомъ онъ утвержденъ, и гдѣ воздвигъ гору Альборди, которой вершина пройдя всѣ небѣсныя сферы, доходитъ до первоначальнаго свѣта; тамъ онъ основалъ свое мѣстопребываніе. Съ вершины

(55) Мы, оставивъ Клёкера, Гёрреса и Крезёра, будемъ слѣдовать въ слѣдующемъ изложеніи Роде, который вообще болѣе систематиченъ.

этой горы мостъ ***шиневадъ*** ведетъ на небесный сводъ (Горатманъ), жилище Ферверовъ и блаженныхъ, и виситъ надъ пропастью (дузахъ دوزخ), гдѣ царствуетъ Ариманъ.

Чтобъ выдержать борьбу съ Аримановъ, Ормуздъ держитъ на-готовѣ блестящія арміи, состоящія изъ неба, солнца, луны и звѣздъ. Онъ предоставилъ себѣ три послѣднія, небесныя сферы, и посреди недосягаемаго свѣта воздвигъ свой тронъ, надъ которымъ возвышается солнце, вращающееся въ высшій сферѣ, потомъ луна, которая вращается ниже, и наконецъ пять нестоль большихъ планетъ и безчисленная фаланга звѣздъ въ сферахъ низшихъ. Звѣзды раздѣлены на 12 легіоновъ, руководимыхъ зодіакальными созвѣздіями, и составляютъ всего 6,480,000 существъ, сражающихся съ Аримановъ. Четыре сторожа бодрствуютъ на четырехъ главныхъ пунктахъ и одинъ въ центрѣ. Ариманъ, пришедши съ юга и смѣшавшись съ планетами, противопоставилъ созданію свѣта существа мрачныя, равныя числомъ и силой. Эшемъ, демонъ зависти, имѣя семь головъ, былъ начальникомъ девовъ противъ Сераска, владѣтеля земли; низшіе духи повиновались семи главнымъ девамъ. Дѣти свѣта вѣрили и поклонялись, рожденія-же тьмы говорили — ***можетъ быть.***

Пожираемый гнѣвомъ Ариманъ началъ борьбу, несмотря на усилія Ормузда сохранить миръ; но, ослѣпленный свѣтозарной славой Вѣчнаго и побѣжденный всемогущимъ словомъ Благаго, онъ низвергается въ пропасть, гдѣ остается весь второй періодъ.

Между тѣмъ Ормуздъ продолжалъ создавать свѣтлыя творенія; онъ создалъ семь амшаспандовъ и 28 изедовъ — цари и начальники небесной арміи, которые должны были заботиться о всемъ созданномъ, въ-особенности о людяхъ. Но Ариманъ не дремалъ, каждому свѣтлому творенію онъ противопоставлялъ созданіе тьмы, одаренное равною силою. Такъ получили начало девы и ихъ начальники, распредѣленные въ томъ-же порядкѣ, какъ и амшаспанды и изеды. Творчество обоихъ прекратилось.

Ормуздъ еще царствовалъ на землѣ, и создалъ перваго быка, заключающаго въ себѣ зародышъ всей органической жизни; тогда Ариманъ, въ началѣ 3 періода, устремился во главѣ своего легіона на небо; но тамъ имъ овладѣлъ такой страхъ, что вспрыгнулъ на землю въ видѣ змѣи, проникъ до ея средины, вползая во все, что она заключаетъ, даже въ быка, а также и въ огонь — видимый символъ Ормузда, и осквернилъ его дымомъ. Съ земли онъ поднялся на небо во главѣ своихъ, распространяя всюду нечистоту и мракъ; наконецъ Ормуздъ съ своими и Ферверами праведныхъ снова отразилъ его въ глубокій дузахъ, послѣ сраженія, продолжавшагося 90 дней и ночей; однако, тамъ онъ не оставался долго, но проложилъ себѣ дорогу къ землѣ, раздѣлилъ власть съ Ормуздомъ. Съ-тѣхъ-поръ все, что заключается между небомъ и землею, раздѣлено на свѣтъ и тьму, на день и ночь.

Быкъ умеръ отъ ранъ; но изъ праваго плеча его вышелъ ***Кайоморть***, первый человѣкъ; изъ лѣваго — Гоморумъ, душа быка, сдѣлавшаяся геніемъ-хранителемъ живыхъ существъ. Ормуздъ создалъ изъ нея двухъ другихъ быковъ, отъ которыхъ произошли всѣ роды чистыхъ животныхъ; ихъ роги произвели плоды, носъ — огородныя растенія, кровь — виноградъ, хвосты — двадцать пять родовъ хлѣба. Всему этому Ариманъ противопоставилъ нечистый міръ; отъ сего два рода существъ, живущихъ въ постоянной враждѣ.

Но Ариманъ ничего не могъ противопоставить человѣку, почему онъ и рѣшился умерщвлять его. Кайоморту мужескаго и женскаго пола было тогда около 30 лѣтъ. Во время смерти, его родительная жидкость упала на землю, гдѣ солнце ее очистило, а ангелы-хранители сберегли до-тѣхъ-поръ, пока, по прошествіи сорока лѣтъ, Ормуздъ произвелъ изъ него дерево, которое росло впродолженіе десяти лѣтъ, въ видѣ соединенныхъ мужчины и женщины. Плодами этого дерева были каждый годъ по десяти паръ человѣческихъ, въ томъ числѣ и Мешіасъ и Мешіане, первые прародители рода человѣческаго.

Они жили чистыми и невинными, покуда Ариманъ не убѣдилъ ихъ пить козье молоко и вкусить одни плоды, которые лишили ихъ ста благополучій, за исключеніемъ одного; женщина первая принесла жертву девамъ. На 50 году они родили Сіамека и Вешаһа. Они умерли на сотомъ году, и будутъ за свой грѣхъ въ аду терпѣть наказаніе до дня воскресенія.

Смерть ввелъ на землю Ариманъ, за грѣхъ перваго человѣка. Она для Перса есть избавленіе, ибо полагаетъ конецъ борьбѣ его со зломъ. Души смертныхъ, созданныя вначалѣ Ормуздомъ, живутъ на небѣ, откуда должны сходить на землю, для соединенія съ тѣломъ и совершенія своего земнаго странствованія, имѣвшаго два исхода: дѣлавшіе добро принимаются небесными духами и отводятся на мостъ Шиневадъ, подъ охраненіе собаки Сура (56); другихъ-же приводятъ туда девы; тамъ ихъ всѣхъ судитъ Ормуздъ, праведные переходятъ мостъ и принимаются въ мѣсто блажества, на радость Амшаспандовъ; злые-же низвергаются въ пропасть, въ объятіе страшныхъ мученій, которыхъ продолжительность сообразуется съ количествомъ грѣховъ, и которыя могутъ быть прекращены молитвами родныхъ и праведныхъ людей; но большая часть тамъ останется до скончанія вѣковъ. Прежде чѣмъ люди, оставленные на произволъ Аримана, будутъ терпѣть всякаго рода злодѣянія, Ормуздъ пошлетъ пророка Сосіоска, который приготовитъ ихъ ко всеобщему воскресенію. Вдругъ Гуршеръ, злотворная звѣзда падаетъ на землю, охватываетъ ее. Всѣ существа, самъ Ариманъ и всѣ его должны пройти сквозь потоки пламени, чтобъ очиститься, впродолженіе извѣстнаго пространства времени (57). Потомъ пожаръ потухнетъ и выдетъ

---

(56) У Египтянъ Sirius anubis былъ проводникомъ душъ. Мы предоставляемъ читателю замѣчать сходство этой космогоніи съ космогоніями другихъ религій.

(57) Плутархъ приводитъ мнѣніе, существовавшее въ одной сектѣ Персовъ и основанное на нѣкоторыхъ свидѣтельствахъ священныхъ книгъ Ирана, по которому Ариманъ, со всѣми своими существенно-злыми, будетъ уничтоженъ.

земля новая, чистая, совершенная, какою она была въ минуту сотворенія, и которая болѣе уже не погибнетъ. Тогда явится Ормуздъ, потомъ Ариманъ, каждый съ своими, какъ жрецы Вѣчнаго, чтобъ возносить ему хваленіе, приносить жертву и воцарить его святой законъ.

Очевидно, что астрономическія свѣдѣнія входятъ въ составъ самаго ученія; такъ 12 тысячъ лѣтъ, впродолженіе которыхъ совершалось сотвореніе всего земнаго и небеснаго, раздѣленные на четыре періода, заимствованы отъ раздѣленія года на мѣсяцы и времена года; въ иныхъ мѣстахъ Зендъ-Авесты даже сказано, что творчество совершалось въ 6 эпохъ и 365 дней: въ память чего Джемшидъ установилъ годъ, раздѣленный на 6 гаһамбаровъ, по имени 6 праздниковъ, отправленныхъ Ормуздомъ, послѣ каждаго труда. Въ память этихъ праздниковъ Персы совершали разныя торжества. Норузъ (نوروز), новый годъ (58), справляли въ мѣсяцѣ фарвардинѣ, около весенняго равноденствія; Меһерджанъ, праздникъ Митра,—во время осенняго равноденствія; праздники эти продолжались шесть дней, другіе — четыре. Эти шесть праздниковъ, въ ихъ календарѣ, который лучше другихъ древнихъ, носятъ названія праздниковъ солнца, огня, побѣды, свободы, генія и творчества. Праздникъ солнца совершался въ четыре солнечныя эпохи; 2 февраля празднуется открытіе огня, а въ ноябрѣ — возобновленіе его; праздникъ побѣды установленъ въ память торжества Феридуна надъ Зогакомъ. Во время праздника свободы сажаютъ кипарисы и совершаютъ другіе обряды, напоминающіе сатурналіи Римлянъ. Въ началѣ ноября совершалось поминовеніе мертвыхъ, которые въ это время посѣщали своихъ родныхъ, и которыхъ, по этому случаю, принимали молитвами, праздниками и церемоніями.

(58) Норузъ до-сихъ-поръ есть главный праздникъ Персовъ; описаніе этого торжества оставилъ намъ Шарденъ.

Семь главныхъ храмовъ огня также въ-связи съ планетами.

Если мы отбросимъ все астрономическое, то увидимъ, что религія Персовъ очень приближается къ Индійскому ученію. Она также признаетъ безконечное и несозданное единство, которое производитъ, объемлетъ и сохраняетъ все конечное; также принимаетъ 12,000-лѣтній періодъ, съ тѣмъ различіемъ, что двойственность преобладаетъ надъ пантеизмомъ; идея происхожденія уступаетъ идеи творчества; конечное и безконечное, дѣйствительное и идеальное въ ней лучше разграничено; міръ не есть божественное произрожденіе отъ любви, но (по ученію маговъ) антагонизмъ, смѣсь борющихся, враждебныхъ началъ. Человѣкъ принимаетъ участіе въ этой борьбѣ, а потому онъ не можетъ впасть въ безпечность Индійцевъ; возбужденъ онъ также и къ нравственной дѣятельности. Хотя въ ученіи маговъ все опредѣленнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ограниченнѣе: Бога созерцаютъ только въ безконечномъ времени, нѣтъ переселенія душъ Индійцевъ, съ великолѣпною очередью творчества и разрушенія.

Миѳологическая часть ученія маговъ сходна съ сѣверной миѳологіей Эдды, гдѣ также проявляется, хотя не такъ поэтично, поклоненіе природѣ, свѣту и огню.

Персовъ недолжно смѣшивать съ языческими народами; они еще съ большею энергіей, чѣмъ Евреи, гнушались идолопоклонства и фетишизма. У нихъ также, какъ и у Евреевъ, священство остается въ одномъ родѣ, также дѣлютъ животныхъ на чистыхъ и нечистыхъ; съ тѣмъ-же отвращеніемъ отвергали прокаженныхъ, которыхъ называли рабами Аримана; знали также, что придетъ искупитель, который подыметъ падшее человѣчество.

Огнепоклонство существовало множество вѣковъ въ родной странѣ своей, сопротивляясь тысячамъ переворотовъ, пускала глубокіе и сильные корни въ отдаленныхъ и образованныхъ странахъ, упорно боролось съ христіанствомъ въ ересяхъ гностиковъ и тайнахъ Митра; и еще въ III столѣтіи въ-

Файл из электронной библиотеки Tages Gekatoff: https://vk.com/hecatoff

силахъ было воздвигнуть могучую имперію Сасанидовъ. Послѣдователи Зороастра, преслѣдуемые фанатизмомъ мусульманъ, скорѣе согласились оставить свое отечество, чѣмъ отречься отъ своей вѣры, и, скитаясь въ пустыняхъ Кермана и Индустана, они до-сихъ-поръ сохранили безсмертное пламя и свои священныя книги. Въ Суратѣ, Бомбайѣ, въ окрестностяхъ Гангеса, въ южной Персіи, на берегу Каспійскаго моря до-сихъ-поръ потомки Геббровъ, гнушаясь идолопоклонства, видятъ въ огнѣ символъ Божества (59).

Послѣдователи Зороастра называютъ себя Беһэддинъ и Маздіезнанъ; первое означаетъ—имѣющій лучшую религію, а послѣднее—поклонникъ Іезда или бога. Персы называютъ ихъ Геббрами (слово, происшедшее, какъ и гяуръ, отъ Арабскаго кафиръ كافر) и нѣкоторыми другими именами, но чаще всего Могсъ т. е. магами.

Теперь приступимъ къ самому переводу разсужденія Езника, которое раздѣлено на 28 §. Въ § 1 онъ излагаетъ ученіе маговъ, по которому прежде, нежели было что-нибудь, былъ Зерванъ, судьба или слава; онъ тысячу лѣтъ приносилъ жертву, говоря: можетъ быть, у меня родится сынъ Ормиздъ, и въ это время во чревѣ зачались два сына: Ормиздъ отъ жертвоприношенія, и Арһменъ отъ сомнѣнія. Ормиздъ, родившись, сдѣлался создателемъ всѣхъ добрыхъ существъ, а Арһменъ — всѣхъ злыхъ. Арһменъ говорилъ: не то, чтобъ я не могъ создать что-нибудь хорошее, но не хочу, и въ доказательство создалъ павлина (§ 8).

Арһменъ, видя какія прекрасныя творенія создалъ Ормиздъ, сказалъ своимъ *девамъ:* какая польза въ томъ, что Ормиздъ создалъ такія прекрасныя созданія, но они находятся во мракѣ, потому-что онъ не умѣетъ создать свѣта; но еслибы онъ соединился съ матерью, то родилось-бы солнце, а отъ сообщенія съ сестрой родится луна. Онъ велѣлъ своимъ девамъ никому не открывать это средство, но девъ Маһми передалъ его Ормизду. По другому преданію, Арһменъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ Ормизда; Ормиздъ до-тѣхъ-поръ ничего не хотѣлъ ѣсть, пока не поборются ихъ сыновья, и когда сынъ Арһмена повалилъ на землю сына Ормизда, то начали искать судью и никакого не нашли, и потому создали солнце, чтобъ оно было между ними судьею (§ 9). Ормиздъ, умирая, сѣмя свое положилъ въ источникъ, отъ котораго впослѣдствіи родится дѣва, и сынъ ея истребитъ многочисленное войско Арһмена; но два другіе существа, подобнаго-же происхожденія, разобьютъ его войско и уничтожутъ (§ 10).

(59) Ouseley (Travels in varions countries of the East, more particularly Persia. Londres, 1819), занимавшійся изслѣдованіемъ нынѣшней религіи Геббровъ, утверждаетъ, что они поклоняются Богу и огню, какъ Его символу.

Далѣе (§ 10), приводя свои опроверженія, Езникъ дѣлаетъ слѣдующее весьма любопытное замѣчаніе: «Если ихъ боги смертны, говоритъ онъ, то какимъ образомъ они сами ожидаютъ воскресенія, да еще тройнаго воскресенія».

Вотъ въ краткихъ словахъ космогонія Персовъ по Езнику, въ эпоху царствованія Сасадиновъ.

Сочиненіе Езника имѣетъ весьма важное значеніе для науки и въ томъ отношеніи, что почти только по немъ и можно судить о тѣхъ измѣненіяхъ, которымъ подверглось Зороастроо во ученіе при Арсакидахъ и Сасанидахъ. Съ этой точки оцѣнилъ его одинъ изъ полновластныхъ судей въ дѣлѣ Персидскихъ древностей, Феликсъ Лажаръ, въ слѣдующемъ весьма любопытномъ письмѣ своемъ къ г. Дюлорье (50): «Я очень сожалѣю, что ваши извлеченія изъ Езника еще не изданы; не то, чтобы восточные писатели, христіанскіе или мусульманскіе, могли пополнить пробѣлы, находящіеся въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ книгъ Зороастра, но они намъ покажутъ, сколь велики были искаженія, причиненныя, при Сасанидахъ, нѣкоторымъ догматамъ и повѣрьямъ, заключающимся въ этихъ от-

(60) Revue de l'Orient, avril. 1857.

рывкахъ, объясненныхъ при помощи фигурныхъ памятниковъ, временъ Ахеменидовъ.

Такъ напр. въ томъ, что мы имѣемъ изъ Зенд-Авесты, нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ тѣхъ событій, вѣрованій, предположеній, какія я нахожу у Езника, о которомъ вы желаете знать мое мнѣніе. И ничего подобнаго не могло находиться въ Зенд-Авестѣ, еслибъ оно было полное, въ особенности относящееся до рожденія, смерти и племени боговъ въ Персіи. Зороастръ, заимствовавъ изъ первоначальной системы Халдеевъ (а не религіозной системы Ассирянъ) идею тройнаго божества и все, что касается до сотворенія и продолженія свѣта, признавалъ троицу, составленную изъ безпредѣльнаго Времени или Вѣчнаго, Ормузда и Митры. Первый только—незримый, не сотворенный, непостижимый, безъ начала и конца и безъ ферверовъ. Два остальные — созданы, вещественны, видимы и будутъ жить столько, сколько Вѣчный опредѣлилъ для существованія міра. Ормуздъ родился отъ Вѣчнаго, какъ и Ариманъ, который тотчасъ по рожденію отдѣлился отъ закона, отказалъ вѣчному въ повиновеніи и въ должномъ ему поклоненіи и сдѣлался соперникомъ брата своего Ормузда. Они оба родились съ властью сотворить міръ; міръ, созданный Ариманомъ, былъ дурнымъ, міръ Ормузда былъ созданъ прекраснымъ. Эти два міра должны продолжаться *двѣнадцать тысячелѣтій*. Этотъ циклъ символическій; и по моему мнѣнію, онъ, цифрами 12,000, выражаетъ, что первоначально въ теогоніи и космогоніи Халдеевъ и всѣхъ другихъ народовъ было *единство*, потомъ переходъ отъ *единства* къ *двойственности* въ моментъ созданія, потомъ наконецъ уничтоженіе или поглощеніе въ вѣчномъ, въ моментъ, когда все созданное должно перестать существовать. И дѣйствительно, по Зенд-Авестѣ, по истеченію двѣнадцатаго и послѣдняго тысячелѣтія, Ариманъ и Девы его вознесутъ хвалы Времени — безпредѣльному и будутъ исполнять его законъ; два созданные міра перестанутъ существовать, и вмѣстѣ съ этими мірами перестанутъ существовать *Ормуздъ* и *Ариманъ*, *Митра*

и *Митра-даруджъ*, *Амшаспанды* и *девы*, *Изеды* и *Дарванды*. Я здѣсь помѣщаю всѣ личности этой теогоніи, въ томъ порядкѣ соперничества, въ какомъ распредѣляетъ ихъ основная идея ученія Зороастра, чтобы въ нѣсколькихъ словахъ окончить характеристику этой системы. Къ этому я прибавлю только то, что она въ эту троицу не допускаетъ ни единаго женскаго божества, и что митра, божество двуполое, и, какъ Ормуздъ, вышла вооруженною изъ его мозга; также у Ассиріянъ и Финикіянъ богиня Милитта или Астарте вооруженною произошла отъ Баала или Белуса, не чрезъ рожденіе; также и у Грековъ Аѳина вышла вооруженною изъ головы Зевеса. Это весьма любопытное сходство принадлежитъ мнѣ, оно многое объясняетъ. Сказанное мною, я думаю, достаточно вамъ доказываетъ, что преданія, собранныя Езникомъ, не относятся къ той религіозной системѣ Зороастра, которую признавали Ашемениды. Первый параграфъ, переводъ котораго вы мнѣ сообщили, приписываетъ Ормузду фактъ, котораго, повторяю, навѣрное не было въ Зенд-Авестѣ, но котораго главныя обстоятельства находятся въ позднѣйшемъ сочиненіи Зердуштъ-Намэ, относящее ихъ къ самому Зороастру, говоря о трехъ сыновьяхъ, которые родились или родятся отъ него до конца міра, такъ и въ религіозныхъ повѣрьяхъ, распространенныхъ въ Персіи при Арсакидахъ, по которымъ спаситель міра долженъ родиться отъ дѣвы. Я совѣтовалъ-бы вамъ прочесть Зердуштъ-Намэ, когда вы возвратитесь въ Парижъ, или просмотрѣть, если вы будете имѣть подъ рукою экземпляръ перевода Зендъ-Авесты Анкетиль-Дюперрона, извлеченіе изъ этой біографіи, находящееся въ началѣ 2-й части 1-го тома. Это чтеніе будетъ не безполезно для критическаго изслѣдованія, которому вы намѣрены подвергнуть матеріалы, сообщаемые Езникомъ и всѣми другими Армянскими писателями, трактующими о религіи Персовъ, при Сасанидахъ. Предпринимаемый вами трудъ будетъ чрезвычайно новъ и чрезвычайно важенъ: потому-что, за исключеніемъ *Вирафъ-Намэ* и весьма ограничен-

ныхъ свѣдѣній, находящихся въ *Улемай-исламъ*, *Дабистанъ* и *Сад-деръ*, въ нѣкоторыхъ Персидскихъ или Арабскихъ сочиненіяхъ и у писателей Греческихъ и Латинскихъ, мы не имѣемъ никакой возможности опредѣлить измѣненія или искаженія, которымъ подверглось въ Персіи Зороастраво ученіе, при Арсакидахъ и Сасанидахъ. Памятники Персіи, относящіеся къ этимъ двумъ эпохамъ, весьма немного прибавляютъ къ нашимъ свѣдѣніямъ объ этомъ предметѣ. Я не упоминаю о *Дезатирѣ*, который, по моему мнѣнію, есть не что иное, какъ произведеніе лжеца или мистификатора».

ОПРОВЕРЖЕНІЕ УЧЕНІЯ ПЕРСИДСКИХЪ МАГОВЪ.

§ 1. «Прежде нежели существовало что-нибудь, когда еще не было ни неба, ни земли, и никакого другаго созданія, въ небѣ или въ землѣ находящагося, былъ, по ученію маговъ, нѣкто по имени Зерванъ, которое означаетъ судьба или слава. Онъ впродолженіе тысячи лѣтъ приносилъ жертву, чтобы родился ему сынъ Ормиздъ, который-бы создалъ небо и землю и все въ нихъ находящееся; послѣ тысячелѣтняго жертвоприношенія, началъ Зерванъ размышлять, говоря: будетъ-ли мнѣ польза отъ жертвоприношеній? родится-ли сынъ Ормиздъ? или-же тщетны мои труды, и тогда-какъ онъ это думалъ, Ормиздъ и Арѣменъ зачались во чревѣ матери своей: Ормиздъ — отъ жертвоприношенія и Арѣменъ — отъ сомнѣнія. Узнавъ это, Зерванъ сказалъ: такъ-какъ два сына во чревѣ, то кто первый предстанетъ предо мной, того сдѣлаю царемъ; Ормиздъ узналъ помыслы отца и открылъ ихъ Арѣмену, говоря: «Зерванъ, отецъ нашъ, задумалъ того изъ насъ сдѣлать царемъ, кто первый явится къ нему. Услышавъ это, Арѣменъ прокололъ чрево и предсталъ предъ отцомъ. Увидѣвъ его, Зерванъ не

узналъ, кто онъ такой, и спросилъ — «кто ты»? онъ отвѣчалъ — «я сынъ твой»; сказалъ ему Зерванъ: «сынъ мой благовоненъ и свѣтозаренъ, а ты мраченъ и зловоненъ». Междутѣмъ какъ они, такимъ образомъ, разговаривали, родился своевременно Ормиздъ свѣтозарный, благовонный, и предсталъ предъ отцомъ; увидя его, Зерванъ узналъ въ немъ сына своего Ормизда, за котораго приносилъ жертву; и жезлъ, который держалъ въ рукѣ своей и которымъ совершалъ жертвоприношенія, отдалъ Ормизду, говоря: «до-сихъ-поръ я за тебя приносилъ жертву, отнынѣ-же ты приноси за меня». Въ то время какъ Зерванъ отдавалъ Ормизду жезлъ и благословлялъ его, приблизился къ нему Арѣменъ и сказалъ: «не таковъ-ли былъ обѣтъ твой: что того, изъ двухъ сыновей моихъ, кто первый явится ко мнѣ, сдѣлаю царемъ». И Зерванъ, чтобы не нарушить обѣтъ, сказалъ Арѣмену: «о лживый и злой, даруется тебѣ царствованіе на 9000 лѣтъ и Ормиздъ будетъ царемъ твоимъ, а по прошествіи 9000 лѣтъ воцарится Ормиздъ, и все, что не пожелаетъ онъ, будетъ дѣлать. Послѣ сего Ормиздъ и Арѣменъ начали творить, и все, что создавалъ Ормиздъ, было добрымъ и правильнымъ, созданія эти Арѣмена — были злыя и неправильныя».

§ 2. На такія невѣроятныя, нелѣпыя и вымышленныя рѣчи невѣждъ не должно-бы было совсѣмъ отвѣчать, потому-что достаточно изобличаютъ ихъ безразсудность, самыя слова ихъ, между собой несогласныя и другъ другу противорѣчащія. Но какъ этимъ самымъ проповѣдники ученія пріобрѣтутъ большее уваженіе, въ глазахъ своихъ послѣдователей, и удобнѣе могутъ вовлечь ихъ въ пропасть: то должно отвѣчать и доказать, что они то-же проповѣдаютъ, чему училъ Мани (61), съ котораго сами-же содрали кожу.

---

(61) Манесъ или Мани основатель Манихейской секты, родомъ изъ Персіи, жилъ въ началѣ III столѣтія. Его ученіе заимствовано частію изъ религіи Зороастра; онъ также признаетъ двойственность: добраго бога, духъ или свѣтъ, и діавола, матерія или тьма. Онъ отвергаетъ Ветхій Завѣтъ, изъ про-

Какъ они, Мани признаетъ бытіе двухъ началъ—добраго и злаго, происшедшихъ не чрезъ зачатіе и рожденіе, а самобытныхъ и взаимно-враждебныхъ; тому-же и они (маги) учатъ, только производятъ ихъ отъ страсти Зервана, чрезъ зачатіе и рожденіе. И такъ если у нихъ одна религія, то почему маги ненавидятъ Зандиковъ (послѣдователей Мани)? Развѣ только потому, что они отличаются отъ нихъ нравами, и то по-видимому, а не въ сущности, но слѣдуютъ одному и тому-же ученію: и тѣ и другіе признаютъ два начала; тѣ—солнцепоклонники, а эти—его рабы, они всѣ неодушевленные предметы считаютъ одушевленными; то-же самое такимъ-же образомъ признаютъ и эти (маги).

Нравами немного (послѣдователи маговъ отъ послѣдователей Мани) отличаются другъ отъ друга, потому-что одни лицемѣры, другіе невоздержные и сладострастные, но и тѣ и другіе слѣдуютъ одному и тому-же ученію.

§ 3. Но мы, оставивъ ихъ, спросимъ у первыхъ, что Зерванъ, который, по ихъ словамъ, прежде всего былъ, — существо совершенное или несовершенное? Если скажутъ, что былъ совершененъ, то услышатъ: какимъ-же образомъ совершенный долженъ былъ отъ кого-то другаго просить сына, который-бы создалъ небо и землю? какъ совершенный, онъ самъ могъ-бы создать и небо и землю. Если-же былъ несовершененъ, то, слѣдовательно, былъ нѣкто выше его, который могъ пополнить его несовершенство; а если былъ кто выше его, то ему слѣдовало-бы создать небо и землю и все въ нихъ находящееся, чтобы проявить свою благотворность и могущество, а

роковъ почти никого не признаетъ. Это ученіе было распространено даже въ Индіи и Китаѣ, къ многочисленнымъ его послѣдователямъ принадлежалъ и Персидскій царь Сапоръ I (Шапухъ); но когда Мани не могъ вылечить сына его, то былъ изгнанъ изъ Персіи, куда возвратился при Гормисдасѣ; но преемникъ его Бахрамъ, какъ ревностный послѣдователь древней религіи, велѣлъ въ 274 году содрать съ него кожу и старался искоренить его ученіе. Восточные писатели разсказываютъ, что Мани хорошо рисовалъ. Бозобръ написалъ: Histoire de Manichée et des Manichéens, par Beausobre. Amst. 1733.

не даровать Зервану сына, который-бы создалъ небо и землю и все въ нихъ находящееся.

«Славѣ, говорятъ, приносилъ жертву».

Спрашивается: отъ кого-же онъ пользовался славой; потому-ли, что былъ вѣченъ, прославлялся? Если кѣмъ-нибудь дарована ему слава, то должно предполагать, что былъ нѣкто выше его, могущественнѣе и славнѣе, отъ котораго происходила его слава. Если-же не было никого выше его, то безполезно тысячу лѣтъ дѣлать жертвоприношенія, потому-что слава не есть существо олицетворенное, но успѣхъ въ чемъ-нибудь называется славою, равно-какъ и неудача — несчастіемъ, которыя суть произведенія случайностей, а не дѣло лицъ.

Къ тому-же еще: такъ-какъ не было ни солнца и ни луны, посредствомъ которыхъ распредѣляются часы, дни, мѣсяцы и годы, то откуда-же взялось «тысяча лѣтъ»: вѣдь не было-же свѣтилъ, которыя опредѣляютъ число дней, мѣсяцевъ и лѣтъ; очевидно, какимъ безразсудствомъ исполнены ихъ слова.

Далѣе, если не было ни неба ни земли и ничего въ нихъ находящагося, то гдѣ-же и чѣмъ Зерванъ совершалъ жертвоприношенія? если не было земли и ея растеній, то изъ чего-же жезлъ онъ имѣлъ въ рукѣ своей? или наконецъ, что приносилъ въ жертву? — не было тогда создано и животныхъ. Но что всего безсмысленнѣе, то, какъ говорятъ они: «послѣ тысячелѣтняго жертвоприношенія, усомнился Зерванъ, говоря: будетъ-ли мнѣ сынъ Ормиздъ, или можетъ быть не будетъ, и напрасно я тружусь». Отсюда видно, что Зерванъ былъ безсильнымъ, нуждающимся и невѣдущимъ, и что причина зла—онъ, а не Аѣменъ; потому-что не усомнись онъ, не было-бы и Аѣмена, котораго считаютъ творцомъ всего злаго, но онъ усомнился, недовѣрчивый и безпорядочный.

Такъ-какъ изъ одного и того-же источника никогда не истекаютъ два потока, одинъ сладкій, а другой горькій, и никогда отъ одного и того-же дерева не бываютъ два плода, — одинъ сладкій, а другой горькій, то посему, если сладкимъ при-

знаютъ Зервана, то горькій плодъ, Арѣмена, не должны отъ него считать, если-же горькимъ — то нѣтъ причинъ сладкій плодъ, Ормизда, производить отъ него.

Если творенія остаются въ своихъ формахъ и не преступаютъ предѣлы, имъ положенные, то тѣмъ болѣе Зерванъ, который, говорятъ, былъ существо вѣчное и пріискивалъ средства творить, долженъ былъ обнаружить порядокъ, а не безпорядокъ и смѣшеніе. Не бредни-ли это ума человѣческаго. Зерванъ былъ человѣкъ, храбрый мужъ при Титанахъ, а какъ Греки, Аріяне (62) и всѣ языческіе народы своихъ героевъ имѣютъ обыкновеніе считать богами: поэтому составитель ученія Персовъ, видя, что жители страны признаютъ Зервана за Бога, приписалъ ему и созданіе неба и земли и всѣхъ другихъ твореній. Справедливость нашихъ словъ видна изъ того, что все ученіе основалъ по законамъ человѣческой природы, и религію составилъ чрезъ зачатіе и рожденіе; такъ два начала — доброе и злое признаетъ рожденными отъ одного отца, также сообщеніемъ съ матерью и сестрами онъ объясняетъ созданіе свѣтилъ; все это не почему другому, какъ только по сладострастію и по привязанности къ плотскимъ удовольствіямъ: ибо видя склонность Аріянъ къ женщинамъ, сообразно ихъ изнѣженнымъ нравамъ, составилъ и религію, чтобы народъ, слыша о своихъ богахъ, что и они предавались недостойнымъ смѣшеніямъ, сами-бы, подобно имъ, безъ разбора слѣдовали ихъ примѣру, отъ чего далеко все божественное.

Далѣе, тотъ, который могъ узнать, что два сына во чревѣ,

(62) *Иранъ* Персидскихъ писателей напоминаетъ *Эріене* Зендскихъ книгъ и страну *Аріана* древнихъ географовъ; словомъ *Аріяварта* въ Санскритскихъ книгахъ называется самая древняя мѣстность, гдѣ процвѣтала Индійская цивилизація. Народы, имѣющіе свои частныя названія, сохранили общее имя *Аріянъ*, такъ Индійцы называются *Аріасъ* (превосходные, почтенные), народы Зендскіе — *Айріа*, Мидянъ Армяне называютъ Арикъ (ωրիք). О сходствѣ этихъ словъ, по значенію, и объ ихъ этнографической важности разсуждаетъ Лассенъ въ своемъ Indische Alterthumskunde, t. I, p. I, p. 4—9, p. 527 ed. Bonn, 1844.

какъ-же не узналъ, что одинъ изъ нихъ добрый, а другой злой; если узналъ и не уничтожилъ злаго, то самъ есть причина зла; если-же не узналъ, то какъ-же вѣрить тому, что онъ узналъ первое; положимъ, что тогда не узналъ, то какъ-же не узналъ, когда увидѣлъ его мрачнымъ и зловоннымъ. Но если зналъ, видѣлъ его и сдѣлалъ его царемъ, то самъ есть причина зла, потому-что не только не уничтожилъ злаго, но далъ ему царствованіе на 9000 лѣтъ; и надъ кѣмъ-же, какъ не надъ добрыми созданіями Ормизда воцарилъ его, чтобы онъ ихъ мучилъ, мѣшая съ ними свои злыя творенія.

Но говорятъ: «Ормизда сдѣлалъ царемъ надъ нимъ».

Если Ормиздъ былъ его царемъ, то какъ-же допускалъ его мучить свои добрыя творенія. И если отецъ не пощадилъ добрыя созданія сына своего, предавъ ихъ въ руки Арѣмена, то почему сынъ не защитилъ ихъ? По безсилію-ли это, или-же отъ недоброжелательства? Если по безсилію, то слѣдовательно онъ не царь его, и не будетъ всостояніи впослѣдствіи (какъ они учатъ) восторжествовать надъ нимъ; если-же отъ недоброжелательства, то не одинъ отецъ, воцарившій злаго, есть виновникъ зла, но и сынъ, какъ соучастникъ отца и поборникъ злаго.

Такъ-какъ (Зерванъ) воцарилъ сыновей своихъ, одного на 9000 лѣтъ, другаго на вѣчныя времена, то чѣмъ-же остался самъ?

Покуда не было ничего, не надъ чѣмъ было быть царемъ, ибо не былъ онъ создателемъ чего-нибудь; но когда родились сыновья, они стали творцами, одинъ — всего добраго, а другой — злаго, и царями, одинъ — временнымъ, а другой — вѣчнымъ, и Зерванъ остался лишеннымъ творчества и царства. Онъ не создатель, потому-что ничего не создавалъ, и не царь, потому-что надъ чьими твореніями ему царствовать? Ясно, что не было никогда Зервана, и нѣтъ его, ибо все существующее есть или творецъ или твореніе; а онъ не творецъ и не твореніе: слѣдовательно не былъ онъ никогда богомъ, не есть и не будетъ.

Файл из электронной библиотеки Tages Gekatoff: https://vk.com/hecatoff

§ 4. Но когда, говорятъ, Зерванъ задумалъ, «того изъ сыновей, который первый родится, сдѣлаю царемъ, узналъ Ормиздъ и объявилъ это намѣреніе Аріімену».

Если Ормиздъ узналъ помыслы отца, то почему не узналъ замыслы злаго брата своего, что онъ проколетъ чрево и вышедши приметъ царство, которое будетъ во вредъ ему и его твореніямъ, ибо сначало (Арііменъ), устранивъ, обезсиливаетъ его, а потомъ (Ормиздъ) впродолженіе 9000 лѣтъ раскаявался и мучился, видя злобу Аріімена къ своимъ прекраснымъ твореніямъ, которыя онъ обезображивалъ. Или-же самъ Зерванъ, который зналъ зачатіе двухъ сыновей, почему не узналъ Аріімена, когда тотъ предсталъ предъ нимъ. И такъ-какъ Зерванъ зналъ, что сынъ его Ормиздъ, бывшій во чревѣ, лучезаренъ и благовоненъ, то почему-же не знать ему, что другой сынъ его мраченъ и зловоненъ? Не ясно-ли, что они разсказываютъ недостовѣрныя событія и нелѣпые вымыслы.

Но всего невѣроятнѣе то, что одинъ едва родился отъ тысячелѣтняго жертвоприношенія, а другой отъ минутнаго сомнѣнія. Если отъ сомнѣнія родился Арііменъ, то не должно (Зервану) называть его своимъ сыномъ: ибо если онъ его сынъ, то долженъ быть такимъ точно, каковъ отецъ; если отецъ былъ добръ, то и сынъ добръ, если отецъ — золъ, то и сынъ злой. Неужели въ одно и то-же время онъ былъ и добрый и злой, и отъ доброй жилы его родился добрый сынъ, и отъ злаго ребра — злой; въ противномъ случаѣ, онъ не призналъ-бы Аріімена своимъ сыномъ, и не сдѣлалъ-бы его царемъ. Но если онъ самъ былъ добръ, то долженъ-бы уничтожить злаго и воцарить добраго, чѣмъ прославилъ-бы себя и не заставилъ-бы вѣчно горевать добраго сына своего Ормизда. Отсюда видно, что не былъ никогда Зерванъ отцемъ боговъ и раздавателемъ царствъ.

§ 5. Далѣе говорятъ: «жезлъ, который держалъ въ рукѣ своей, отдалъ Ормизду, говоря: до-сихъ-поръ я за тебя приносилъ жертву, отнынѣ ты приноси за меня».

Если онъ (Зерванъ) приносилъ жертву для того, чтобы родился ему сынъ, для чего-же Ормизду приносить жертву за него? не боится-ли онъ кого-нибудь? и поэтому приказалъ за себя приносить жертву; неужели тотъ, у котораго онъ просилъ сына, потребуетъ у него за сына возмездіе? если это было у него на умѣ, то жезлъ не могъ помочь; а давая жезлъ, не сказалъ онъ, что мнѣ приноси жертву, но ясно высказалъ, что былъ нѣкто, которому онъ приносилъ жертву за сына и сыну велѣлъ приносить за себя.

И если было существо выше его (Зервана) и сына (Ормизда), которому они приносили жертву, то это-то существо и и должно считать виновникомъ ихъ бытія и всего создателемъ, а не Зервана — отцемъ Ормизда и Аріімена, и ихъ — творцами всего злаго и добраго.

Вмѣсто-того, чтобы Зервану дать сына-создателя, развѣ не могло это высшее существо само создать небо и землю и все въ нихъ находящееся, чтобы проявить, какъ мы выше сказали, свое могущество и благотворительность? Можетъ-быть, Зерванъ боялся сына своего Аріімена, и потому Ормизду отдалъ жезлъ, чтобы, имъ совершая жертвоприношенія верховному существу, обезопасить его, слѣдовательно долженъ быть кто-нибудь, которому приносилъ жертву. Если былъ кто, которому должно было приносить жертву, то Зерванъ не есть существо вѣчное, но отъ чего-нибудь происшедшее: посему должно изслѣдовать, отъ кого произошелъ Зерванъ? кому онъ приносилъ жертву? и кто тотъ, которому сынъ его Ормиздъ долженъ былъ приносить жертву за него. Такъ-какъ никто не можетъ начать бытіе свое, какъ только получивъ существованіе отъ кого-нибудь другаго, и единый Богъ въ-состояніи творить изъ ничего, по собственной волѣ своей. И такъ кто-же создалъ Зервана, какъ не Богъ, которому-то онъ и приносилъ жертву, который далъ ему такого сына, что онъ создалъ небо и землю и все въ нихъ находящееся. Удивительно однакожь, что Богъ самъ не создалъ, а могъ дать сыну Зервана творче-

ство. «Но никого не было, говорятъ они, кому Зерванъ приносилъ жертву»; если такъ, то не было и Зервана, и это достойно великаго посмѣянія, что несуществующій несуществующему за несуществующаго приносилъ жертву.

§ 6. Если-же и «счастіемъ еще былъ Зерванъ», какъ они говорятъ, то кого счастіе? и кто тотъ, кого онъ былъ счастіемъ? потому-что счастіе не есть личность, но удачный случай; какъ напр. за справедливость кого называютъ его справедливымъ, за храбрость храбрымъ и за славу счастливыми; и такъ если Зерванъ былъ счастіе, то не былъ онъ лицемъ; отсюда видно, что и не было никогда Зервана.

И если, какъ говорятъ, «отъ сомнѣнія зачался Арѣменъ», то ему (Зервану) въ началѣ должно было усомниться, чтобы тотчасъ родился ему сынъ, а не 1000 лѣтъ трудиться и приносить жертву, чтобы родился ему сынъ. Наконецъ родились у него добрый и злой, и злымъ сдѣлался (Арѣменъ) по собственной волѣ, а не отъ рожденія, потому-что одно и то-же чрево не можетъ принять въ себя и доброе и злое сѣмя, и если оно было злое, то и воспроизвести могло только злаго, а если доброе — добраго, потому-что доброе и злое вмѣстѣ не могутъ соединяться, оттого и не родятся волки и овцы изъ одной утробы; добрыхъ животныхъ, какъ-то овецъ, быковъ и пр. полезныхъ (четвероногихъ) производятъ отъ Ормизда, а злыхъ, какъ-то: волковъ и др. звѣрей и вредныхъ насѣкомыхъ отъ Арѣмена. Но того не знаютъ, что какъ хищныя (животныя) не могутъ жить вмѣстѣ съ невредящими, такъ и добрый и злой не могутъ зачаться въ одномъ и томъ-же чревѣ; какъ напр. нельзя огонь и воду совокупить вмѣстѣ, ибо преобладающая стихія сдѣлается истребительницею другой, точно такъ-же не могутъ помѣститься въ одномъ мѣстѣ и доброе и злое; въ противномъ случаѣ одно изъ нихъ уничтожитъ другое. Если отъ сѣмени (зачались) сыновья, то нельзя одному сообщить два противоположныя сѣмени, да и одно чрево не можетъ принять два разнородныя сѣмени. Какимъ-же образомъ то чрево приняло два враждебныя сѣмени? Далѣе,

почему рожденный отъ жертвоприношенія не уничтожилъ рожденнаго отъ сомнѣнія, но два врага, смирно и спокойно, жили въ одномъ чревѣ.

Да и самъ отецъ, зная, что два сына во чревѣ, одинъ—добрый, а другой—злой, не долженъ былъ такъ неопредѣленно обѣщать царства, потому только, за котораго приносилъ жертву.

Слѣдовательно Ормиздъ до рожденія былъ несовершеннымъ. Но какъ-же несовершенный узналъ помыслы отца? ибо кто можетъ узнавать помыслы другаго, тотъ выше того, что свойственно только Богу, а не человѣку. Итакъ Ормиздъ былъ выше отца, могущественнѣе и мудрѣе: ибо, будучи еще во-чревѣ, онъ узналъ намѣренія отца, а родившись, создалъ небо и землю, чего не могъ сдѣлать отецъ. И тотъ, кто настолько былъ могучѣе и мудрѣе отца, въ то-же время является самымъ слабымъ, ибо былъ обманутъ злымъ существомъ въ томъ, что открылъ намѣренія отца тому, къ которому долженъ былъ питать непримиримую вражду, а не дружбу. И если необходимо было проколоть чрево, чтобы выйти, то это должно было сдѣлать тому, кто зналъ намѣренія отца, чтобы первому явиться и принять царство, а не Арѣмену, который не зналъ мысли отца, и которому не предзначалось царствовать.

§ 7. Но еще нелѣпѣе они говорятъ, «что жезлъ отдалъ ему для приношенія за себя жертву», какъ будто не въ Ормиздѣ или не въ жертвѣ заключается сила, а въ жезлѣ. Если Ормиздъ былъ увѣренъ, что онъ будетъ услышанъ, то для чего было ему держать въ рукѣ жезлъ; если-же онъ не былъ достоинъ того, то жезлъ не можетъ жертвоприношеніе недостойнаго сдѣлать достойнымъ, а держать въ рукѣ жезлъ и совершать жертвоприношеніе свойственно людямъ, а не Богу. Если онъ былъ Богъ, и могъ создать небо и землю, то для чего ему держать жезлъ и приносить жертву, развѣ чтобъ освободить отца отъ страха.

Тотъ, который безъ жезла могъ создать небо и землю, какъ-же отца не могъ успокоить безъ жезла. Не очевидно-ли,

что и отецъ былъ существомъ неразумнымъ, слабымъ и отъ другаго зависящимъ, и сынъ былъ слабъ и не разуменъ: потому-что какъ тотъ не могъ родить сына безъ жертвоприношеній, такъ и этотъ, безъ жезла въ рукахъ, не могъ освободить его отъ страха.

§ 8. Они-же оба были и причиною какъ преслѣдованій, такъ и того, что злой мучилъ добрыя созданія: ибо Ормиздъ, говорятъ, создалъ все доброе и мужей праведныхъ и благодѣтельныхъ, Ариенъ-же—злыхъ твореній и девовъ. Итакъ если девы созданія злаго и сами злы по своей природѣ, то ни одинъ изъ нихъ никогда не могъ познать ничего добраго, тѣмъ болѣе самъ Ариенъ. Но мы видимъ, что самаго прекраснѣйшаго изъ созданій Ариенъ былъ творецъ: «когда увидѣлъ Ариенъ, говорятъ они, что Ормиздъ сотворилъ прекрасныя созданія, но не могъ создать свѣта, то разсуждалъ съ девами, говоря: что въ томъ Ормизду, что онъ создалъ столь изящныя творенія, но они находятся въ мракѣ, ибо онъ не могъ создать свѣта? Но еслибы онъ былъ мудръ, то соединился-бы съ матерью, и тогда сыномъ его было-бы солнце, а еслибы соединился съ сестрой, то родилась-бы луна, и приказалъ, чтобъ никто не открылъ его мысль. Услышавъ это, девъ Маhми немедленно отправился къ Ормизду и открылъ ему эту мысль».

О безразсудство и нелѣпая глупость! Нашедшій средство создать небо и землю и все въ нихъ находящееся, не могъ знать эти ничтожныя средства; и этимъ не только Ормизда выставляютъ безразсуднымъ, но и Ариена — создателя нѣкоторыхъ добрыхъ твореній.

Вотъ еще что они говорятъ: «Ариенъ сказалъ: не то, чтобы я не могу творить доброе, но не хочу, и въ подтверженіе словъ своихъ создалъ павлина»: слѣдовательно онъ золъ по собственной волѣ, а не отъ рожденія.

Что блистательнѣе свѣта, который изобрѣлъ Ариенъ, или что прекраснѣе павлина, котораго также онъ создалъ въ доказательство, что можетъ творить прекрасное. Отсюда слѣдуетъ,

что еслибы Ариенъ былъ золъ по природѣ, то не могъ-бы быть создателемъ свѣта и творцомъ красоты. И девы его, еслибы были злы отъ природы, то не могъ-бы Маhми передать условія сотворенія свѣта; ему до-сихъ-поръ послѣдователи этой вѣры три раза въ годъ приносятъ жертву,—чѣмъ доказывается, что они поклонники дева и что девы злы не по природѣ, но по своей воли. Если они сами приносятъ жертву дѣву, на какомъ-же основаніи преслѣдуютъ поклоняющихся демонамъ? Не очевидно-ли, что все, чему они учатся, басни и пустые вымыслы.

§ 9. Далѣе, тѣ, которые сотвореніе свѣтилъ приписываютъ такимъ причинамъ, перемѣнивъ свои слова, приводятъ другую причину созданія солнца. «Ариенъ, говорятъ, пригласилъ Ормизда на обѣдъ, и когда Ормиздъ пришелъ, то не захотѣлъ обѣдать до-тѣхъ-поръ, пока не поборются ихъ сыновья. И когда сынъ Ариена повалилъ наземь сына, Ормизда, то понадобился судья; но никого не нашли, поэтому они создали солнце, чтобъ оно было имъ судьею».

Прежде Ариена признавали изобрѣтателемъ солнца, теперь-же дѣлаютъ его соучастникомъ въ сотвореніи свѣта.

Если не было судьи, то развѣ не могли обратиться къ отцу или къ тому, которому и отецъ и сынъ приносили жертву?

§ 10. Не должно также, потому-что безсловесныя животныя имѣютъ различные нравы, принимать существованіе двухъ создателей; они-же, по глупости, думаютъ, что будто-бы Ормиздъ создалъ всѣхъ четвероногихъ животныхъ, птицъ, рыбъ и все что благо и красиво, Ариенъ-же — всѣхъ звѣрей, нечистыхъ птицъ, пресмыкающихся, змѣй, скорпіоновъ и всѣхъ зловредныхъ насѣкомыхъ.

Если небо и земля, воздухъ и вода суть творенія Ормизда, то какъ-же вредныя животныя Ариена обитаютъ въ его землѣ, дышутъ его воздухомъ и кормятся растеніями, изъ его земли произрастающими? и какъ-же въ водѣ нечистыя насѣкомыя вмѣстѣ съ чистыми рыбами, въ воздухѣ хищныя птицы летаютъ вмѣстѣ съ благородными птицами? Ихъ должны были истре-

бить, а не воспитывать добрыя созданія, Ормизда, ибо его и земля и вода и воздухъ. Если звѣрей, по ихъ зловредности, считаютъ твореніями злаго бога, то и людей должно считать отъ злаго творца, потому-что они (люди) болѣе причиняютъ вреда звѣрямъ, нежели звѣри имъ: ибо люди, вышедши изъ городовъ и селеній, стараются истреблять звѣрей, они-же спѣшатъ убѣжать и укрыться въ горахъ и въ пищерахъ, и берлоги большей части изъ нихъ не посѣщаются людьми.

Также пресмыкающіеся, услыша шорохъ человѣческій, укрываются одни въ отверстіяхъ, другіе въ углубленіяхъ и пещерахъ земли, и только когда люди слишкомъ притѣсняютъ ихъ, они причиняютъ вредъ, и въ томъ вина людей, а не ихъ. Поэтому не должно звѣрей и насѣкомыхъ приписывать злому творцу, но единому доброму: ибо одни изъ нихъ созданы для нашихъ потребностей, одни украшенія, другія-же ужасающіе, чтобы смирить преступную человѣческую гордость. Если мы, сверхъ-того, обратимъ вниманіе на ихъ зловредность, то увидимъ, что они не вредятъ другъ другу, и если ихъ безсознательная вредность должна быть презираема, то во сколько болѣе должно презирать зловредные поступки людей, которые дѣлаются умышленно и лукаво. Насъ мучатъ самыя ничтожныя существа, какъ-то: блоха, муха, комаръ, оводъ, мышь и другія тому подобныя, которые хотя и ничтожны, но могутъ насъ тревожить; одни изъ нихъ безпокоятъ насъ, другіе причиняютъ намъ вредъ, какъ-то: мышь, моль, червь и тому подобные. И этимъ укрощается умъ нашъ: ибо, зная, что самыя малыя твари могутъ быть намъ вредными, мы снизойдемъ съ преступной городыни считать себя много важными.

Но должно вспоминать милости Божія, что если эти ничтожныя насѣкомыя могутъ намъ вредить, какъ-же мы жили-бы, еслибъ онъ поселилъ насъ вмѣстѣ съ пресмыкающимися и звѣрями? Не должно упускать изъ вида и того, что сколько животныхъ онъ подчинилъ намъ для нашихъ нуждъ, какъ-то: лошадь, верблюда, слона, быка, овцу, въ горахъ и долинахъ

сернъ, оленей, кабановъ, изъ коихъ нѣкоторыя вьючныя, а другія для употребленія въ пищу.

Этимъ Богъ внушилъ намъ, что только тѣхъ животныхъ, которыхъ Онъ захочетъ, мы можемъ покорить себѣ, и безъ воли Его мы не можемъ покорить себѣ не только значительныхъ животныхъ, но и самыхъ ничтожныхъ; что̀ слабѣе блохи или мыши, но мы не можемъ истребить ихъ и вывести. Есть и другіе, которые въ водѣ; они не служатъ для нашихъ потребностей, но уязвляютъ насъ, и мы, видя, что не можемъ истребить ихъ, узнаемъ свое безсиліе, укрощаемъ нашу тщетную гордость и Тому только предоставимъ побѣду, Кто ничтожными насъ безпокоитъ, а сильныхъ намъ подчиняетъ, напр. слоновъ, верблюдовъ, львовъ, леопардовъ, барсовъ, изъ которыхъ одни вьючныя животныя, другія-же служатъ для нашихъ удовольствій.

§ 11. По опредѣленію умираютъ люди, говорятъ они, или нѣтъ?

Прежде всего надо знать, что̀ такое судьба? и откуда опредѣленія судьбы распространяются на землѣ?

Предопредѣленія смерти въ священномъ писаніи нигдѣ не находимъ: ибо Богъ смерти и живота можетъ продлить и укоротить свое опредѣленіе.

Халдейскіе астрологи причины рожденія и смерти приписываютъ звѣздамъ, какъ-бы живымъ (существамъ); будто когда кто рождается, то тогда-же непреложно опредѣляется и время его смерти: поэтому никто не можетъ ни раньше умереть, ни прожить долѣе. Но ихъ опровергаютъ случаи войны, когда въ одинъ день погибаютъ милліоны людей разныхъ возрастовъ, и юноши, и люди зрѣлыхъ лѣтъ, и старцы, которые не въ одно время родились, но умерли вмѣстѣ.

Далѣе, если въ звѣздахъ заключается причина рожденія, то отчего въ Индіи никто не родится бѣлымъ, и въ другихъ странахъ не было подобнаго явленія.

Неужели въ Индію только не доходитъ бѣлымъ творящая звѣзда, а въ другія страны, дѣлающія чернымъ?

§ 12. Причиною счастія и несчастія считаютъ также звѣзды, какъ будто есть какіе-то зодіаки, и сообразно тому, какія изъ причиняющихъ звѣздъ въ зодіакѣ, такія бываютъ и рожденія.

Такъ, кто родится въ то время, когда въ зодіакѣ *левъ*, тотъ будетъ, говорятъ они, царемъ; когда-же *быкъ*, то кто родится, будетъ могучимъ и славнымъ; когда *овенъ*, то кто родится, будетъ богатымъ, и какъ онъ волосистымъ, и когда *скорпіонъ*, то кто родится будетъ злымъ и грѣшнымъ. И другія звѣзды другихъ разныхъ предметовъ бываютъ причиной. Такъ когда Хроносъ (Сатурнъ) войдетъ въ зодіакъ, умретъ царь, — что случалось дважды, какъ разсказываютъ, при императорѣ Ѳеодосіи, и астрологи утверждали, что царь умретъ, но онъ не умеръ къ стыду ихъ лживому ученію.

Но пусть сначала скажутъ: кто вознесъ эти земныя имена, хищныхъ и травоядныхъ животныхъ, дабы они были причиною рожденія людей? Тотъ, который можетъ быть причиною рожденія другаго, долженъ быть мудростью выше того, кого онъ есть причина; но, разсматривая съ общей точки зрѣнія, мы увидимъ, кто выше — человѣкъ-ли, который господствуетъ надъ безсловеснымъ, или безсловесныя, которыя подчиняются человѣку, и не только подчиняются, но и составляютъ его пищу? И мы видимъ, что одни звѣри бѣгутъ, другіе укрываются въ чащѣ непроходимыхъ лѣсовъ, когда слышатъ только голосъ человѣка, ибо страхъ и боязнь къ человѣку Творецъ вселилъ всѣмъ звѣрямъ, насѣкомымъ, скотамъ и птицамъ; въ знакъ особаго уваженія къ человѣку, котораго и созданіе было необыкновенно, ибо создалъ его (Богъ) какъ-бы руками, и вдунулъ живой духъ, такъ сказать, изъ собственныхъ устъ, и этимъ Богъ хотѣлъ показать его превосходство.

И если для него (человѣка) созданы звѣри и скотъ, какъ это доказываетъ самый опытъ, то какимъ-же образомъ они

взошли на небо и сдѣлались причиною рожденія людей? когда сами настолько-же далеки отъ жизни, какъ свѣча, сдѣланная человѣкомъ, для освященія дома ночью. И безжизненные какъ могутъ быть причиною рожденія живыхъ предметовъ?

«Но еслибы не были (звѣзды) живыми существами, говорятъ они, то и не двигались-бы, а такъ-какъ они движутся, то очевидно, что живыя существа».

На это они услышатъ, что еслибы все, что идетъ, было живое, то слѣдовательно и воды, которыя идутъ, должны быть живыми, и огонь, потому-что двигается, надо полагать живымъ, и воздухъ и вѣтры, за ихъ дуновенія, считать одушевленными, и самыя растенія и все прозябаемое, которыя хотя медленно двигаются, однакожь растеніемъ своимъ кажутся существами движущимися; и такъ-какъ не все движущееся имѣетъ умственную и разумную жизнь, такъ и не солнце и не луна и не звѣзды и не небо, подъ которымъ они вращаются, не имѣютъ умственной и разумной жизни. Но небо и земля суть сосуды, созданные Творцемъ, чтобъ купно заключать въ себѣ все, въ нихъ находящееся; а свѣтила, какъ зажженныя свѣчи, для изгнанія мрака изъ сего великаго дома. Они необходимые обитатели, по волѣ своего создателя, для наслажденія всѣхъ живущихъ существъ, а не сами для себя, ибо не созерцаютъ своего бытія. Какъ и небо, и земля, и вода, и камень созданы не сами для себя, ибо не сознаютъ, существуютъ-ли они или нѣтъ, потому-что не разумны и безсловесны.

§ 13. Итакъ звѣзды какъ не суть причины царствованія, такъ и могущества и богатства, тѣмъ болѣе, что часто видимъ богатыхъ обѣднѣвшими и бѣдныхъ разбогатѣвшими. Неужели они могутъ сказать, что одна и та-же звѣзда можетъ быть причиною богатства и бѣдности, могущества и безсилія, потому-что часто сильныхъ видимъ ослабѣвшими, слабыхъ сдѣлавшимися сильными, злыхъ образумившимися, а разумныхъ сдѣлавшимися злыми. Какъ-же это согласовать съ тѣмъ, что они говорятъ, будто что судьбою назначено того миновать нельзя.

Кому назначено быть счастливымъ, тотъ будетъ счастливъ, а кому несчастнымъ — несчастливъ. Вѣроятно, кому назначено судьбою умереть, то такъ и умретъ, и нельзя избавиться отъ опредѣленія судьбы.

О, какъ слаба судьба и безсильно предопредѣленіе, если могутъ воры и разбойники нарушить его, когда, напавъ, лишаютъ имущества и жизни.

Если все дѣлается по опредѣленію судьбы, то не должны законы приговаривать къ смерти, а судьи преслѣдовать и наказывать смертію убійцъ: ибо, наказывая ихъ, ясно обнаруживаютъ, что преступленія виновныхъ совершились не по опредѣленію судьбы, но отъ ихъ злодѣйства. Или когда разбойникъ нападаетъ на страну, чтобы истребить жителей, то не должно собирать войска и составлять полки для изгнанія разбойника изъ страны, но дать (ему) волю, (говоря) судьбой назначено странѣ быть разореною разбойникомъ, и намъ къ чему сопротивляться судьбѣ? Но, собирая войска и изгоняя врага изъ страны, доказываютъ, что не по опредѣленію судьбы совершилось разореніе, но по насилію разбойника, который съ жадностію разоряетъ страну и грабитъ имущества и достоянія.

Файл из электронной библиотеки Tages Gekatoff: https://vk.com/hecatoff